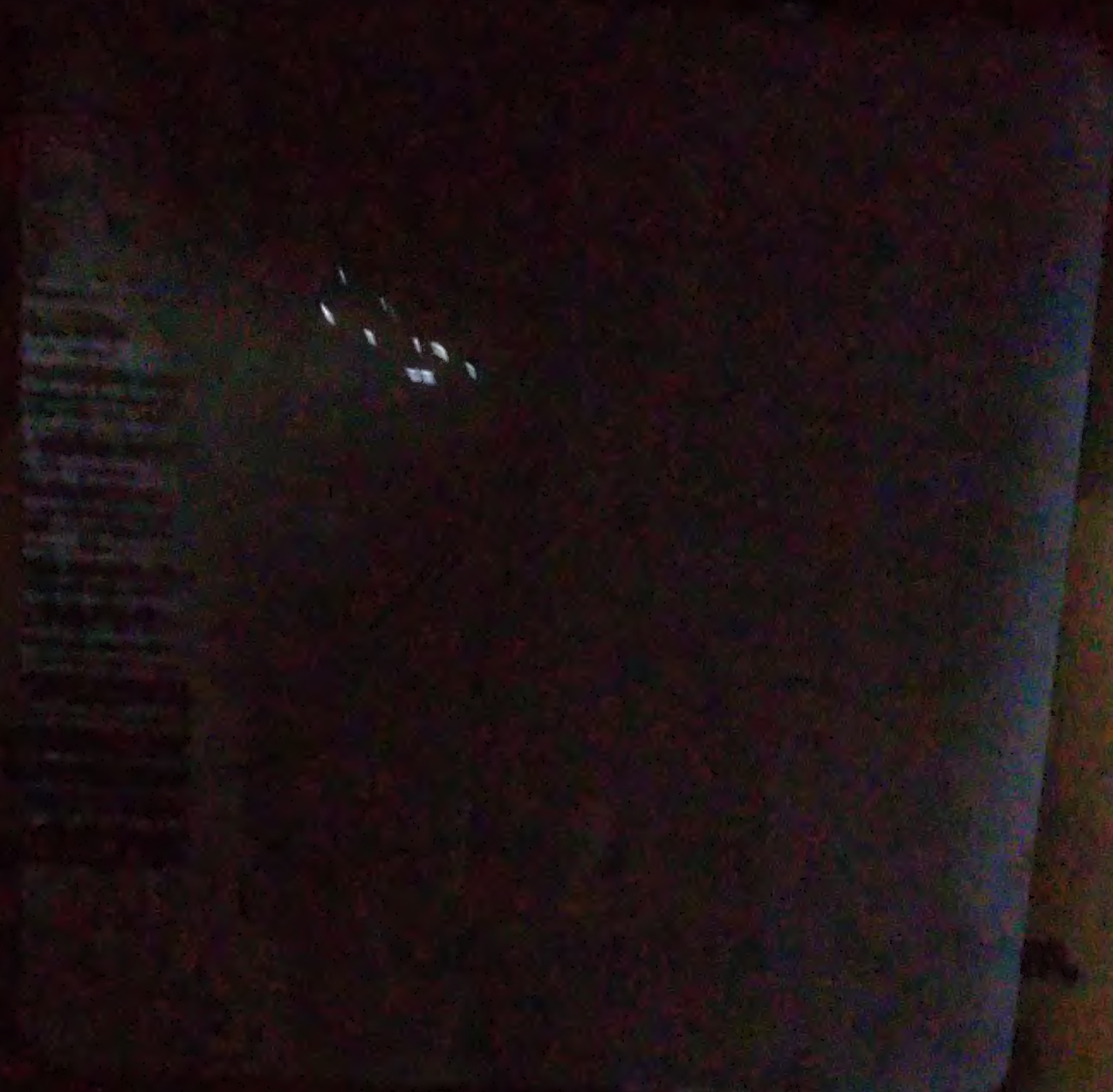

комплектация

года.

более 40 месяцев

ИЗГОТ

Nippo

Addre

Tortola

Made in China

Ниппон Клик Системс Лимитед

Адрес: Куиджано Чэмберс, а/я 3199, Род Таун,

Тортола, Британские Виргинские Острова

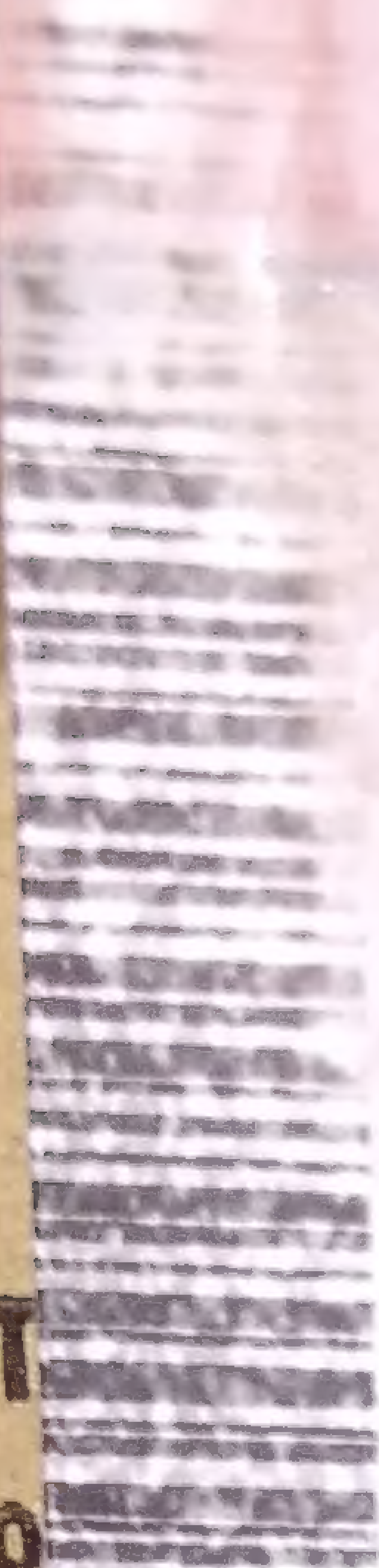
Сделано в Китае

Для получения более подробной информации об устройстве посетите сайт: www.

Срок службы: 3 года с даты продажи, но не более 40 месяцев с даты производства

Срок гарантии: 1 год*

МОНИТОР 23.8"
SUN-M24BA102

ИЗГОТ
Nippo ... stems Limited
Addres ... Chambers, P.O.box3159, Road Town,
Tortola,
Made in China

Ниппон Клик Системс Лимитед
Адрес: Куиджано Чэмберс, а/я 3159, Роуд Таун,
Тортола, Британские Виргинские Острова
Сделано в Китае

Для получения более подробной информации об устройстве посетите сайт: www.sunwind.ru.com

Изготовитель оставляет за собой право изменения комплектации, технических характеристик и внешнего вида товара.

Срок службы: 3 года с даты продажи, но не более 40 месяцев с даты производства

МОНИТОР 23.8"

SUN-M24BA102

ИЗГОТ[illegible]

Nippo[illegible] Limited

Addres[illegible] 3159, Road Town,

Tortola [illegible]

Made in China

Ниппон Клик Системс Лимитед

Адрес: Куиджано Чэмберс, а/я 3159, Роуд Таун,

Тортола, Британские Виргинские Острова

Сделано в Китае

Для получения более подробной информации об устройстве посетите сайт: www.sunwind.ru.com

Изготовитель оставляет за собой право изменения комплектации, технических характеристик и внешнего вида товара.

Срок службы: 3 года с даты продажи, но не более 40 месяцев с даты производства

Вольдемар
БОНЗЕЛЬС

приключения пчелки Майи

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЛЮЧ»
МОСКВА
1992

ББК 84. 4/8
Б81

Часть средств от реализации тиража издательство «Ключ» перечисляет на расчетный счет 609232 в Ленинском отделении Мосбизнесбанка г. Москвы МФО 201188 для нужд вспомогательной школы № 30.

Мы будем благодарны любой организации или частному лицу за помощь, оказанную школе и ее воспитанникам, имеющим отклонения в развитии.

Перевод с немецкого М. А. ВАЙСБЕЙН
под редакцией А. Н. Горлина
Художник В. ПЕРШКОВ

Б $\frac{4804010100-20}{970(01)-92}$ Без объявл.
ISBN 5-7082-0019-7

БЕГСТВО МАЙИ ИЗ РОДНОГО ГОРОДА

Старую пчелу, которая помогла малютке Майе пробудиться к жизни и выползти из ее ячейки, звали Кассандрой. Она пользовалась во всем улье большим уважением.

В то время пчелиный род переживал тревожные дни: среди пчел вспыхнул мятеж, который их царица никак не могла подавить. Пока опытная Кассандра протирала ясные глазки новорожденной и расправляла ее нежные крылышки, улей не переставал грозно гудеть и жужжать, и крошке Майе показалось в нем слишком жарко, о чем она немедленно заявила своей воспитательнице.

Кассандра озабоченно оглянулась, но ничего не ответила. Она лишь удивилась, что дитя начало так рано соображать, ибо в улье было действительно невыносимо душно, и давка была страшная. Майя видела, как мимо них беспрерывно шныряли пчелы, причем они так спешили, что карабкались друг на дружку и катились вперед живыми комьями.

Вскоре около них прошла царица. Кассандру и Майю совсем было затолкали, но их выручил трутень, молодой кавалер приятной наружности.

Он кивнул крошке и, приподняв свои передние ножки, которые служат пчелам в одно и то же время и руками, погладил ими блестящие волосики у себя на груди.

— Быть беде, — заметил он, обращаясь к Кассандре, — революционеры уходят из города. Они уже провозгласили царицей новую пчелу.

Кассандра не обратила на него никакого внимания. Она даже не поблагодарила его за оказанную им помощь, и Майе показалось, что ее воспитательница обошлась с молодым кавалером очень недружелюбно. Но малютка не предлагала ей вопросов: впечатления следовали одно за другим так быстро, что она едва успевала отдавать себе в них отчет. Общее возбуждение передалось и ей, и она громко зажужжала.

— Перестань! — остановила ее старая пчела. — Мало тут и без тебя шуму! — И, взяв крошку за ее красивое, блестящее, еще совсем мягкое и удивительно прозрачное крылышко, она отвела ее в уединенный уголок к заполненным медом сотам.

Майя втянула в себя воздух.

— Какой тут приятный запах! — воскликнула она.

Старуха рассердилась.

— Погоди делать свои замечания, — проворчала она. — За эту весну я уже воспитала сотни пчелок и учила их летать, но такой любопытной, как ты, еще не встречала. У тебя, мое дитя, какая-то исключительная натура.

— Что такое исключительная натура? — робко спросила она.

— Ты ведешь себя неприлично! — обозлилась Кассандра, притворившись, что не слышала вопроса, но заметив, как Майя засунула пальчики в рот. — Мне некогда с тобой возиться. Слушай внимательно все, что я тебе скажу, потому что я могу посвятить тебе очень немного времени: из ячеек уже выползают новые малютки, а моя единственная помощница по этажу, Турка, совсем выбилась из сил и жалуется уже несколько дней на шум в ушах. Садись вот тут.

Майя послушно села и уставилась своими большими темными глазами на воспитательницу.

— Первое правило, которое должна твердо помнить молодая пчела, — начала Кассандра со вздохом, — следующее: в своих мыслях и делах она не должна отличаться от других и обязана не забывать, что общее благо — прежде всего. На этом основано процветание государства и тот порядок, который мы с незапамятных времен признаем правильным. Завтра ты вылетишь из улья. Тебя будет сопровождать старшая подруга. Сперва ты должна отлетать лишь на недалекие расстояния и точно запоминать все предметы на твоем пути, чтобы найти обратный путь домой. Твоя спутница укажет тебе все те цветы, где ты сможешь брать самый лучший мед. Ты должна их твердо заучить. Без этой науки не может обойтись ни одна пчела. Начало ее ты можешь заучить сейчас же: вереск и липовый цвет. Повтори!

— Не могу, — ответила малютка Майя, — это страшно трудно! Я научусь этому потом.

Кассандра широко раскрыла глаза и покачала головою.

— Ох, милая, нелегко будет с тобою! — со вздохом произнесла она. — Это уж теперь видно.

— А что я должна буду делать потом? Целый день собирать мед? — спросила крошка Майя.

Старуха опять глубоко вздохнула и посмотрела на маленькую пчелку серьезным и печальным взглядом. Казалось, перед ней промелькнула ее собственная жизнь, прошедшая, с начала до конца, в тяжком труде и заботах.

— Малютка! — сказала она более ласковым голосом. — Ты узнаешь солнечный свет, высокие зеленые деревья, цветущие луга, серебряную гладь озер, быстрое сверкание ручьев, яркое голубое небо и, может быть, человека — самое высокое и совершенное создание природы. Но, несмотря на окружающее тебя величие, твоя скромная работа будет для тебя наслаждением. Вот, дорогое дитя, что ждет тебя, и ты можешь надеяться на счастье.

— Хорошо, — произнесла Майя, — этого-то мне и надо.

Кассандра ласково улыбнулась. Она сама не понимала, почему она почувствовала вдруг к малютке Майе любовь, какой никогда еще не испытывала по отношению к другим своим воспитанницам. Не потому ли она рассказала ей гораздо больше, чем обычно при-

нято говорить пчелам в первый день их рождения? Она давала ей различные советы, предостерегала от ждущих ее в мире опасностей, называла ей злейших врагов пчел. Потом она много говорила ей о человеке и заложила в душе маленькой пчелки крепкое желание поближе с ним познакомиться.

— Будь вежлива и предупредительна со всеми насекомыми, — сказала в заключение Кассандра, — и ты узнаешь от них гораздо больше, чем я могу тебе сегодня рассказать. Но берегись осы и овода, дитя мое. Первая — наш самый могущественный и коварный враг, а второй — бессмысленный разбойник без отечества и убеждений. Мы сильнее их, но они воруют и убивают где только возможно. Для самозащиты ты можешь пользоваться своим жалом, но помни: если ты укусишь теплокровное животное или человека, ты умрешь, ибо твое жало останется у них в коже и сломается; поэтому ты должна жалить лишь в случае крайней необходимости, проявляя при этом все свое мужество и глядя смерти прямо в глаза. Мы, пчелы, потому и пользуемся таким уважением и почетом, что отважны и умны. Ну прощай, малютка Майя, будь счастлива и верно служи своему народу.

Крошка Майя поклонилась, ответила на поцелуй и объятия своей воспитательницы и легла спать в радостном возбуждении. Но мысль, что она завтра познакомится с обширным миром, с солнцем, небом и цветами, так волновала ее, что она долго не могла уснуть и лишь дремала.

* * *

Рано утром Майя услышала радостное восклицание:

— Солнышко взошло!

Она быстро вскочила и присоединилась к одной работнице.

— Ладно, — дружелюбно сказала та, — полетим вместе.

У городских ворот их задержала стража. Сколько тут толпилось народу! Один из часовых сообщил Майе пароль, без которого ни одну пчелу не пропустили бы обратно.

Вылетев за пределы города, маленькая пчелка должна была зажмурить глазки — так ослепил ее свет. Все кругом отливало золотом и зеленело, все сверкало таким богатством, теплом и блеском, что от счастья она не знала, что делать.

— Какое великолепие! Неужели я могу лететь куда угодно? — воскликнула она, обратившись к своей спутнице.

— Конечно, — ответила та.

Тогда малютка Майя подняла головку, пошевелила своими красивыми, нежными крылышками и вдруг почувствовала, что зем-

ля под ней опускается, а высокие зеленые верхушки деревьев, наоборот, приближаются.

— Я лечу! — закричала она в восторге. — Ведь то, что я делаю, это — полет! Неправда ли? Ах, как это удивительно!

— Да, ты летишь, — сказала ей работница, едва поспевая за нею. — Вот теперь мы несемся по направлению к липам вот там, у замка. Запомни их, чтобы знать расположение нашего города... Но не лети так быстро, Майя! Мне не догнать тебя!

— Да разве это быстро? — возразила Майя. — Как чудно пахнет солнечный свет! — восторгалась она.

— Да нет же, — ответила, задыхаясь, работница, — это благоухают цветы. Но прошу тебя, лети медленней, не то я отстану, и ты потом не найдешь дорогу домой.

Но крошка Майя не слушала ее. Она словно опьянела от радости, от солнечного света, от счастливого сознания, что она живет, летит... Ей казалось, что через сверкающее зеленью море света она мчится с быстротою молнии к чему-то еще более прекрасному. Ей казалось, что ее зовут цветы, манит даль, что голубое небо благословляет ее ликующий полет...

Смертельно устав, она спустилась в большом саду, который утопал в облаках цветущих вишневых деревьев, терновника и сирени. Она упала на грядку красных тюльпанов, на один из больших цветов, прижалась к его стенкам и, тяжело дыша, смотрела в упоении через блестящие края венчика на яркое голубое небо.

— О! Да в этом великом мире все в тысячу раз прекраснее, чем в нашем темном пчелином городе! — воскликнула она. — Я не хочу туда возвращаться, не хочу собирать мед и готовить воск! Нет, я ни за что не стану этого делать! Я хочу остаться в этом чудном мире, узнать его. Я не похожа на других пчел. Я создана для радости, для приключений, для острых ощущений!.. Я не боюсь опасности. Разве во мне мало силы и отваги? Разве нет у меня жала?

И она громко рассмеялась от избытка здоровья и счастья и сделала глубокий глоток меда из чашечки тюльпана.

Ах бедная маленькая Майя! Если бы ты предчувствовала, сколько опасностей и бед тебя ждут, ты, наверное, была бы благоразумнее!

Но малютка ничего не предчувствовала и осталась при своем решении. Скоро ее одолела усталость, и она уснула.

ДОМИК ПЕППИ

Когда маленькая Майя проснулась, было уже совсем светло. Она продрогла, и первые ее движения были медленны и неуверенны. Она уцепилась за жилку зеленого листа, под которым провела ночь, и крылышки ее затрепетали и засверкали: это она их расправляла и очищала от приставшей к ним пыли. Затем она пригладила свои белокурые волосы и протерла глазки. Наконец, осторожно подобравшись к краю листа, она стала озираться кругом.

Блеск утреннего солнца опять ослепил маленькую пчелку.

«О, как прекрасен мир!» — подумала Майя.

Она стала припоминать впечатления вчерашнего дня, все его опасности и всю его красоту. Решение не возвращаться в улей окончательно в ней укрепилось. Правда, когда она подумала о Кассандре, сердечко ее тревожно забилось, — но разве старуха сможет ее разыскать?..

Где-то вдали сверкнуло что-то красное. Пчела заметила этот блеск, и ею овладело нетерпение посмотреть поближе. К тому же она почувствовала голод. Со звонким, веселым жужжанием отважно устремилась она вперед, в ясный утренний воздух, уже сильно согретый солнечными лучами. Она направила свой полет на манивший ее красный предмет, который, казалось, кивал ей и кланялся; но когда она к нему приблизилась, то почувствовала такой сладкий аромат, что почти опьянела, и, лишь с трудом добравшись до алого цветка, Майя села на его наружный сводчатый лепесток. Но в то же мгновенье он вдруг заколебался под ее ногами, и навстречу пчелке выкатился серебристый шарик почти такой же величины, как и она сама, прозрачный и сверкавший, как радуга.

Между тем прозрачный шарик прокатился мимо нее, наклонился над краем лепестка, прыгнул и упал на траву.

Майя вскрикнула от ужаса, когда увидела, что он рассыпался на множество крохотных алмазов, которые, точно живые, блестели и дрожали на стебельках и потекли по ним трепетными жемчужинками. Только тогда она догадалась, что это была большая капля росы, скопившейся в чашечке цветка в течение прохладной ночи.

Пчелка поползла назад и вдруг заметила у самого входа в цветок небольшого жучка с коричневыми надкрыльями и черным щитком на груди.

Она вежливо с ним поздоровалась.

— Это был ваш шарик? — полюбопытствовала Майя.

— Вы говорите о капле росы? — с улыбкой спросил жучок. — О, об этом не стоит беспокоиться. Я только что утолил свою жажду, а моя жена никогда не пьет воду, потому что у нее больные почки... Что вы тут делаете?

— Какой очаровательный цветок! — не отвечая ему на вопрос, воскликнула Майя. — Не будете ли вы любезны сказать мне, как он называется?

Помня советы Кассандры, она старалась быть очень вежливой.

— Это роза, — объяснил он. — Мы поселились тут четыре дня тому назад, и благодаря нашим заботам о ней она чудно распустилась. Не подойдете ли вы поближе?

Пчелка колебалась, но затем, преодолев свой страх, она сделала несколько шагов вперед. Жучок отодвинул в сторону светлый лепесток, и они очутились в узком, слабо освещенном помещении с благоухавшими стенками.

— У вас тут действительно премило, — заметила восхищенная Майя. — А этот запах... в нем положительно есть что-то одуряющее...

Жучок очень рад был, что пчелка похвалила его квартиру.

— Да, надо уметь устраиваться, — произнес он, благосклонно улыбаясь. — «Скажи мне, где ты живешь, и я скажу, чего ты стоишь», — говорит старая поговорка. Не угодно ли вам немного меду?

—Ах, с большим удовольствием! — обрадовалась Майя.

Жучок кивнул головою и исчез за одною из стенок цветка. Пчелка радостно озиралась. Она прижимала свои щечки и ручки к нежным красным занавескам и вдыхала их дивный аромат.

Вдруг она услышала, что жучок за стеною начал громко браниться. Он сердито и грозно жужжал, и Майе показалось, что он кого-то грубо толкает. Потом она услышала чей-то тоненький, полный страха и досады голосок:

— Ну да, когда я один, вы смело на меня нападаете... Подождите, посмотрим, что вы скажете, когда я позову своих товарищей. Вы нахал... Хорошо, хорошо, я уйду!.. Но не забудьте кличку, которую я вам дал!

Вслед затем, испуганная этой ссорой пчелка услышала, как кто-то поспешно уходил.

Жучок вернулся и бросил ей кусочек меду.

— Это безобразие, — проворчал он, — нигде нет покоя от этих тварей!

Майя была так голодна, что даже забыла поблагодарить своего хозяина. Она набросилась на угощение и начала жадно его жевать,

между тем как жучок вытер со лба пот и несколько ослабил верхнее кольцо на груди, чтобы легче было дышать.

— Кто это был? — спросила Майя с переполненным ртом.

— Проглотите сначала мед и освободите свой язык, а то вас не поймешь, — заметил жучок, но сейчас же сердито продолжал: — Это был муравей. Неужели эти подлые создания думают, что мы экономим и копим провизию только для них?! Так беззастенчиво забираться в чужие кладовые! Это возмутительно! Простите, — неожиданно перебил он себя, — я совсем забыл вам представиться. Меня зовут Пеппи, я из семьи бронзовок.

— А я Майя, — робко сказала пчелка. — Очень рада с вами познакомиться.

Пеппи несколько раз поклонился, причем распустил веером два маленьких коричневых усика. Майю они привели в восторг.

— Какие у вас красивые усы! — воскликнула она.

— Н-да! — самодовольно произнес польщенный жучок. — Зато у вас, бесспорно, прекрасные глаза, а золотистая окраска вашего тела очень интересна.

Малютка Майя просияла от счастья. Никто еще не говорил ей, что она красива. Она окончательно развеселилась и взяла еще кусочек меду.

— Отличный мед! — похвалила она.

— Пожалуйста, кушайте на здоровье, — произнес Пеппи, несколько удивленный аппетитом своей гостьи. — Это розовый мед, первосборный. Если вы хотите пить, могу вам предложить еще капельку росы.

— Благодарю вас, — вежливо отказалась Майя. — Мне бы хотелось полетать...

Жучок улыбнулся.

— Вам бы все летать! — покачал он головой. — Это у вас, у пчел, уже в крови. Не понимаю такого беспокойного образа жизни. Разве не лучше спокойно сидеть на месте?

— Ах, мне так нравится летать! — воскликнула Майя.

Жучок предупредительно приподнял розовую занавеску.

— Я вас провожу к лепестку, с которого вам удобно будет взлететь, — предложил он.

— Спасибо, — ответила пчелка, — но я свободно взлетаю со всякого места.

— В этом ваше преимущество предо мною. А мне каждый раз довольно трудно расправлять свои нижние крылышки, — печально сказал он, отодвигая последнюю занавеску и пожимая ей руку.

Несколько времени с верхнего лепестка розы он следил за пчелкой, которая быстро взвилась по прямой линии ввысь и исчезла

в прозрачном воздухе, насыщенном золотым солнечным светом. Потом он тяжело вздохнул и, чувствуя, что ему становится жарко, хотя было только раннее утро, вернулся в прохладную чашечку своего цветка, тихо напевая свою любимую песню:

Распустилась в солнце тут
Красных роз семья,
И пока они цветут,
Буду жив и я.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

А цветущую землю медленно окутывал ясный весенний день.

— Ах! — вспомнила вдруг Майя. — Ведь я совсем позабыла спросить Пеппи про человека! Такой опытный господин, как он, мог бы, наверное, много мне о нем порассказать. Но, может быть, мне еще самой посчастливится встретиться с человеком.

Она пролетела мимо большого сада, пестревшего множеством цветов. Она встречала разных насекомых, вежливо отвечавших на ее приветствия и желавших ей успеха. Но всякий раз, когда ей попадалась пчела, сердечко ее тревожно билось: она боялась столкнуться со знакомыми, которые могли бы упрекнуть ее за праздность и лень. Однако она скоро заметила, что пчелы, занятые своим делом, не обращали на нее никакого внимания.

Вдруг глубоко под собою Майя увидела бездонное голубое небо. Сначала она с ужасом подумала — не забралась ли она слишком высоко, не перелетела ли она за небосвод? Но вскоре она заметила, что края этого находившегося под нею неба отражали деревья, и тогда, к великому своему удовольствию, она догадалась, что под нею была широкая водная гладь, тихо светившаяся в лучах утреннего солнца. Майя опустилась почти на самую поверхность озера и как в зеркале увидела себя, свои светлые, как стекло, крылышки, свое красивое золотистое туловище; она увидела, что летала хорошо и правильно, — так, как ее учила Кассандра.

«Как приятно носиться над водою!» — с восторгом подумала она.

Время от времени пчелка замечала, как резвились в прозрачной воде большие и малые рыбки. Но слишком приблизиться к ним она боялась, ибо знала, что для насекомых рыбье племя небезопасно.

Майя долетела до противоположного берега. Здесь внимание ее привлек густой тростник и огромные листья кувшинок, лежавшие на поверхности озера, как большие зеленые тарелки. Она выбрала самый укромный лист, скрытый в тени плавно качавшихся над ним высоких стеблей. Лишь два-три солнечных пятна мелькали на нем, как золотые монеты.

Вдруг рядом с нею на тот же лист опустилась небольшая, стального цвета мясная муха и, с удивлением осмотрев пчелку, спросила:

— Что вам тут надо на моем листе?

Майя струсила.

— Ну вот, подумаешь! И отдохнуть минутку нельзя! — сказала она, стараясь скрыть свой испуг. Она вспомнила слова Кассандры, которая говорила ей, что пчелиный род пользуется в мире насекомых большим почетом, и захотела поддержать свое достоинство. Однако сердечко ее тревожно билось: уж не слишком ли громко и смело она ответила?

Но мясная муха сама, по-видимому, испугалась, заметив, что Майя не намерена ей уступать. С сердитым жужжанием она взлетела на тростник, качавшийся над приютившим пчелку листом, и уже более вежливо произнесла:

— Вы бы лучше работали, как это вам полагается... Но если вы действительно устали... пожалуйста, отдохните... Я тут подожду...

— Да ведь здесь листьев сколько угодно, — заметила Майя.

— Да, но все они заняты, — ответила муха. — Теперь надо почитать себя счастливой, если находишь свободное местечко. Если бы прежнего жильца этого листа не съела два дня тому назад лягушка, у меня, вероятно, и до сих пор не было бы пристанища. А ночевать сегодня тут, а завтра там — удовольствие небольшое. Не у всех ведь есть такое благоустроенное государство, как у вас, пчел... Но разрешите представиться: я — Минна Кристоф.

Майя молчала. Она думала о том, какой ужас — попасть в лапы квакушки.

— И много тут лягушек? — спросила она наконец, предусмотрительно подвинувшись на середину листа.

Муха рассмеялась.

— Не трудитесь пересаживаться, милая, — подразнила она пчелку, — лягушка все равно вас заметит, так как на солнечном свете лист-то ведь совершенно прозрачен. Квакушка снизу отлично видит, как вы на нем сидите.

Майе уже казалось, что внизу копошится страшный хищник и смотрит на нее жадными, голодными глазами. Она встрепену-

лась, намереваясь немедленно улететь. Но тут произошло событие, столь страшное и неожиданное, что бедная пчелка не могла сначала даже сообразить — в чем было дело. Сперва она услышала громкий, резкий шелест, точь-в-точь такой, когда ветер шумит в увядших листьях; затем раздался протяжный свист, перешедший в сердитое гуденье, — и в то же мгновенье лист, на котором сидела Майя, покрылся чьей-то прозрачной тенью. Сердце пчелки сжалось от ужаса, когда она увидела, как огромная пестрая стрекоза схватила несчастную Минну Кристоф, отчаянно вопившую в ее громадных острых когтях. Страшное животное опустилось со своей добычей на стебелек тростника, и Майя ясно видела их над собою и в то же время их отражение в прозрачной воде. Крики мухи рвали, как клещами, слух пчелки.

— Отпустите ее! Слышите! Сейчас же отпустите ее! — громко закричала она, не помня себя.

Стрекоза, выпустив свою жертву из когтей, крепко зажала ее

лапкою и с удивлением повернула голову к Майе. Пчелка испугалась взгляда больших серьезных глаз разбойницы и грозных клещей, но ее крылья и туловище, сверкавшие, как драгоценные камни, ей очень понравились. Однако, заметив в то же время огромные размеры стрекозы, Майя окончательно струсила и, не понимая, как это она осмелилась вмешаться в это дело, задрожала от страха.

Но стрекоза очень дружелюбно сказала:

— Что с вами, мое дитя?

— Отпустите ее, пожалуйста! — взмолилась пчелка, и глаза ее наполнились слезами. — Ее зовут Минной Кристоф...

— Что же из того? — спросила, снисходительно улыбаясь, стрекоза.

— Ах, она такая симпатичная, такая чистенькая... И к тому же она ведь вам не сделала ничего дурного.

Стрекоза задумчиво взглянула на Минну Кристоф.

— Да, она премилое существо, — пробормотала она и откусила ей голову.

Майя чуть не упала в обморок при виде этого зверства. Не произнося ни слова, вне себя от ужаса, она слушала хрустение прекрасного синевато-стального тела бедной Минны Кристоф на зубах стрекозы.

— Не думайте, что ваша сентиментальность производит на меня какое-нибудь впечатление, — заметила стрекоза, спокойно жуя свою жертву. — Не в ваших силах изменить существующий порядок. Видно, вы еще очень молоды и мало жили у себя дома. Когда у вас в улье летом начинается избиение трутней, то окружающий вас мир возмущается не меньше, чем вы теперь, но, думается мне, с гораздо большим правом.

— Съешьте ее, пожалуйста, поскорее, и тогда я вам отвечу, — сказала пчелка, которая хорошо знала, почему летом необходимо избивать трутней, и удивлялась поэтому глупости разбойницы. — Но не вздумайте подходить ко мне близко. Я моментально пущу в ход свое жало.

Очень уж рассердилась малютка Майя! В первый раз упомянула она о своем жале и впервые порадовалась, что у нее такое хорошее оружие.

Стрекоза сердито на нее взглянула. Она кончила свой обед и сидела насупившись, словно хищная птица, готовая броситься на добычу. Но маленькая пчелка стала вдруг совершенно спокойной. Она и сама не понимала, откуда взялась у нее храбрость, куда девался ее страх. Она даже грозно зажужжала, как это слышала раз в улье от сторожа, когда он заметил приближавшуюся осу.

Стрекозы живут в мире с пчелами, — примирительно произнесла наконец разбойница.

— И хорошо делают! — проворчала Майя.

— Уж не думаете ли вы, что я вас боюсь? Вас?! — возмутилась стрекоза и, быстро слетев со стебля, который при этом закачался, стремительно опустилась почти на самую поверхность озера.

Как красиво отражалась она в прозрачной воде! Казалось, что две стрекозы быстро, быстро двигали там своими стекловидными крылышками, окруженными серебристым сиянием. Это было такое дивное зрелище, что малютка Майя сразу забыла и свою досаду на хищницу, и участь бедной Минны Кристоф. Она захлопала в ладоши и закричала:

— Как красиво! Как красиво!

— Это вы про меня? — с изумлением спросила стрекоза и тут же самодовольно прибавила: — Да, мне есть чем похвастать. Если бы вы знали, в какой восторг пришли вчера несколько человек, увидевших меня на берегу ручья!

— Люди? — воскликнула Майя. — Вы знакомы с людьми?

— Ну конечно, — ответила стрекоза. — Кстати, я думаю, вам интересно узнать, как меня зовут? Мое имя — Шнука, я из семьи сетчатокрылых.

Майя, в свою очередь, представилась ей.

— Расскажите мне про человека, — попросила она.

Стрекоза, казалось, совсем примирилась с пчелкой. Она уселась рядышком с нею на листе, и та не протестовала.

— Есть у человека жало? — спросила Майя.

— На что оно ему? — рассмеялась стрекоза. — Нет, у людей есть оружие похуже, и оно очень для нас опасно. Наше племя боится людей, особенно маленьких, называемых мальчиками.

— Они охотятся за вами? — спросила Майя.

— И очень усердно! Я еще не встретила на своем веку ни одного человека, который не пытался бы меня поймать.

— Но зачем вы им? — удивилась пчелка.

— По-видимому, в нас есть что-то привлекательное, — с улыбкой ответила Шнука. — Другого основания я не вижу. Бывали случаи, когда люди, изловив кого-нибудь из нашей семьи, причиняли ему страшные мучения и в конце концов убивали.

— Они едят вас? — испуганно спросила Майя.

— Нет, нет! — успокоила ее Шнука. — Насколько известно, люди не питаются стрекозами. Но в человеке живут какие-то необъяснимые разбойничьи наклонности. Вы не поверите, но так называемые мальчики нередко ловят нас лишь для того, чтобы

обрывать нам крылышки и ножки. Вы сомневаетесь? — спросила она, подметив, что пчелка бросила на нее недоверчивый взгляд.

— Конечно, сомневаюсь, — негодующе ответила Майя.

Стрекоза пожала своими блестящими плечиками.

— Уж так и быть, расскажу вам всю правду, — печально произнесла она. — Был у меня братец. Он подавал блестящие надежды, хотя был несколько легкомыслен и очень любопытен. Он попал в руки одного мальчика, который накинул ему на голову сетку, укрепленную на длинной палке...

— Потом, — продолжала Шнука, — мальчик перевязал моему братцу грудь черным шнурком, как раз между крыльями, так что хотя он и мог взлетать, но совсем улететь не мог. Всякий раз, когда брату казалось, что вот-вот он освободится, мальчик тащил его обратно за шнурок.

— Это трудно себе представить, — грустно заметила Майя, качая головою.

— Если случается, что я днем об этом не думаю, то всегда вижу эту картину ночью во сне, — сказала стрекоза. — В конце концов мой брат, конечно, погиб, — со вздохом прибавила она.

— А отчего он умер? — с участием спросила пчелка.

— Мальчик засунул его в карман, — ответила она рыдая. — А этого никто не может вынести.

— А что такое карман? — осведомилась Майя, потрясенная услышанным ею страшным рассказом.

— Карман, — объяснила стрекоза, — это кладовая, находящаяся у людей на коже. И знаете, что там было еще? Если бы вы только знали, в каком ужасном обществе окончил свои дни мой братец! Вы никогда не догадаетесь!

— Нет, — произнесла дрожащим голосом пчелка. — Может быть, в кладовой был мед...

— Нет, нет, — перебила ее Шнука. — Мед в карманах людей вы найдете редко. А там было вот что: лягушка, перочинный ножик и репа.

— Какой ужас! — воскликнула Майя. — А что такое перочинный ножик?

— По-видимому, это искусственное жало людей. Так как природа не дала человеку этого естественного орудия защиты, то он придумал что-то в этом роде... Лягушка, к счастью, была уже при последнем издыхании. Она потеряла один глаз, одна нога была у нее сломана, а нижняя челюсть вывихнута. Когда мой брат попал в карман, она прошипела, скривив свой рот: «Как только я

выздоровею, я тебя съем!» — при этом она страшно косила своим единственным глазом. Вдруг моего брата что-то толкнуло к лягушке, и крылышки его чуть не прилипли к ее холодному мокрому телу... Он сразу потерял сознание...

— Но откуда вы все это знаете? — пробормотала взволнованная Майя.

— Через некоторое время, когда мальчику захотелось есть, он полез в карман за репой и при этом выбросил оттуда лягушку и моего брата. Я. услышала его стоны и нашла их обоих рядышком на траве. Но увы! Было уже слишком поздно! Мне удалось только выслушать от брата все, что я вам рассказала, после чего он обнял меня, поцеловал и без жалобы, без слез, как истый герой, тихо скончался... Когда прекратилось предсмертное колебание его смятых крылышек, я закрыла ему глаза, покрыла его тело дубовыми листьями, а в холмик, на котором он лежал, воткнула голубых цветочек, чтобы он завял в честь покойника на его могилке. «Прощай, — сказала я, — спи спокойно, братец!» — и улетела навстречу двум огненным солнцам... К вечеру, как вы знаете, их всегда два: одно на небе, а другое — в озере... Можете себе представить, как тяжело и грустно было мне тогда! А с вами случалось что-нибудь подобное?

— Нет, — ответила Майя, — до сих пор я была вполне счастлива.

— Ну, можете благодарить Бога! — разочарованно произнесла Шнука.

Майя спросила про лягушку.

— О! Она умерла смертью, какую заслужила. Ведь она довела свою жестокость до того, что грозила умирающему!.. Она пыталась было убежать, но так как один глаз и одна нога у нее были повреждены, то она лишь подскакивала на одном месте. Это было так смешно! «Ну, в таком-то виде вас аист сразу поймает!» — сказала я ей и улетела.

— Бедная лягушка! — прошептала пчелка.

— Ну знаете, это уж слишком! — возмутилась стрекоза. — Жалеть квакушку! Это значит рыть самой себе яму! Смотрю я на вас: совсем-то вы неразумное существо!

— Может быть, — согласилась Майя, — но я не могу видеть чужие страдания, ни слышать о них.

— Это происходит от вашей молодости, — утешила ее Шнука. — Вы еще многому научитесь, друг мой... Но пора мне на солнышко. Тут слишком прохладно. Прощайте!

Стрекоза вспорхнула и засверкала тысячью искорок, какими блещут драгоценные камни. Через зеленый тростник она полетела

над поверхностью воды, и Майя слышала, как она запела свою песню. В ней было что-то сладостно-печальное, и пчелке сделалось и грустно, и радостно на душе.

Тихо плещется река,
В синем небе облака,
Солнышко сияет.
Сладко шепчется тростник,
Стебель лилии поник,
Луч в воде играет.

— Слышишь, стрекоза поет, — сказал белый мотылек своей подруге.

Они пронеслись мимо пчелки и утонули в синеве солнечного дня.

Тогда и Майя расправила свои крылышки, простилась тихим жужжанием с серебряной гладью озера и полетела к берегу.

ИФИ И КУРТ

На другое утро Майя проснулась в чашечке голубого колокольчика. Она услышала в воздухе какой-то однообразный шум и почувствовала равномерные колебания цветка, на котором сидела, словно кто-то слегка его пошатывал. К ней доносился влажный запах травы и земли. Было прохладно.

Майя поела немного цветочной пыли, привела в порядок свой туалет и осторожно, шаг за шагом подползла к наружному краю цветка. Шел мелкий свежий дождь, тихо шумевший и покрывавший все вокруг миллионами серебристых жемчужин, которые лежали на листьях, катились по траве и сгибали своею тяжестью тонкие стебельки.

Было еще очень рано, и жизнь внизу, в траве, только начинала пробуждаться. Майя была хорошо скрыта в своем голубом убежище и могла спокойно наблюдать за просыпавшимся миром. То, что она увидела, заставило ее забыть на минуту и тоску по родному дому, которая нет-нет да забиралась к ней в душу. Было так занятно следить из своего укромного уголка за тем, что происходило в чаще стеблей. Но вскоре мысли ее снова вернулись к покинутому улью, где так уютно и безопасно, где все стоят друг за друга. Она представляла себе, как в этот дождливый день пчелы сидят там рядышком, довольные неожиданным отдыхом; одни исправляют ячейки, другие кормят личинок. Лишь изредка оттуда вылетают разведчики, чтобы узнать — не прекратился ли дождь, не переме-

нился ли ветер. Царица расхаживает по всем этажам улья, за всем следит, все пробует, кого похвалит, кому выразит порицание, положит то тут, то там яичко. Все счастливы услышать от нее ласковое слово. А тут она была одинока, подвержена разным опасностям, зябла... Что она будет делать, когда дождь перестанет? Что она будет есть? Меду в колокольчике почти не было, да и цветочная пыль держится недолго. И в первый раз в своей жизни Майя поняла значение солнечного света. «Не будь его, не было бы и легкомыслия», — подумала она.

Но мысль о солнце снова наполнила радостью все ее существо, и она почувствовала гордость, что сумела сама себе выбрать жизненный путь. Сколько чудес видела она за это короткое время!

Показалась толпа странствующих муравьев. Они шли с песней и, казалось, куда-то спешили. Задумчиво и грустно слушала их пчелка:

Краток, краток жизни срок —
Скоро все умрем.
Только кто работать мог —
Не грустит о том

Муравьи были хорошо вооружены, и вид у них был смелый, даже грозный. Скоро песня их затихла под листьями белокопытника, откуда послышался вдруг грубый и хриплый голос. В ту же минуту кто-то энергично раздвинул молодые одуванчики, и оттуда выскочил большой жук, похожий на металлическое полушарие, отливавшее то синим, то зеленым, то черным цветом. Он был вдвое или даже втрое больше Майи Его твердый панцирь казался несокрушимым, а в его басе было что-то свирепое. По-видимому, он был разбужен пением муравьев и находился поэтому в дурном настроении. Его волосы не были еще расчесаны, и он сонно протирал свои хитрые глазки.

— Постойте! Я вас! — кричал он — Убирайтесь прочь!

«Какое счастье, что я не натолкнулась на него!» — подумала пчелка, чувствуя себя в безопасности в своем качавшемся убежище. Но сердечко ее все же затрепетало, и очень осторожно она отодвинулась в глубь цветочной чашечки

Жук, неуклюже переваливаясь, пополз по мокрой траве. Назвать его изящным было довольно трудно. Остановившись у увядшего листка, как раз под цветком Майи, он отодвинул его, и пчелка увидела замаскированный вход в пещеру.

Она тихонько сидела в своей чашечке и следила за жуком. Дождь продолжался.

— Если вы хотите идти со мною на охоту, — крикнул мохнач,

подходя к подземной норе, — то вставайте поскорее! Уже совсем светло!

Из пещеры послышался тоненький, чирикающий голосок:

— Ради Бога, закройте отверстие! Ведь сюда льется дождь!

Майе было очень интересно знать, что будет дальше. Она опять подползла к краю цветка и высунулась так далеко, что на спину ей упала крупная дождевая капля. Она увидела, как увядший листок отодвинулся и из-под земли медленно вылезло бурое животное, показавшееся ей чрезвычайно странным. У него было неуклюжее тело и необыкновенно толстая голова с маленькими торчащими усиками. Его тоненькие ножки еле передвигались, а выражение его лица было озабоченное.

— С добрым утром, Ифи, — приветствовал это удивительное существо жук, стараясь вежливо вытянуться в струнку. — Как вы спали, моя милая?

Ифи равнодушно протянула ему руку.

— Я не могу идти с вами, Курт, — сказала она. — Про нас и так уж болтают.

Бедный жук казался очень испуганным.

— Я вас не понимаю, Ифи, — пробормотал он. — Неужели наша юная дружба может погибнуть из-за таких пустяков?! Подумайте, Ифи! Какое вам дело до чужой болтовни?

— Вы ничего не понимаете, Курт. У меня на этот счет свои взгляды. Кроме того, вы меня обманули: вы меня уверяли, что вы из семьи бронзовок, а слизняк сообщил мне вчера, что вы попросту — навозный жук. А это ведь большая разница. Слизняк своими глазами видел вас за работой, назвать которую у меня язык не повернется. Вы понимаете таким образом, что нам необходимо расстаться.

— Нет, я этого не понимаю! — горячо воскликнул Курт, оправившись от неожиданности. — Я хочу, чтобы меня любили за мои личные качества, а не за мою профессию.

— Если бы речь шла не о навозе, — сдержанно возразила Ифи, — я еще могла бы примириться с вашим занятием. Но вы должны понять, что молодая вдова, мужа которой всего три дня тому назад съела землеройка, обязана проявлять величайшую скромность... А потому — прощайте!

Сказав эти слова, Ифи с удивительной быстротой, словно ее унес ветер, скрылась в пещере.

Курт, словно застывший от конфуза, уставился на вход в норку. Усики его печально опустились, как смоченное дождем опахало. При этом у него был такой глупый вид, что пчелка не могла удержаться от смеха.

— В наше время, — вздохнул он, — не ценят ни хороший характер, ни солидный образ жизни. Ифи бессердечна, — до сих пор я не решался в этом признаваться, а теперь вижу, что это — факт.

Но вдруг Курт оживился. Он осторожно пробрался за кучку земли, которую его приятельница набросала, вероятно, при устройстве своего жилища. По траве полз небольшой красноватый дождевой червяк. Пчелку удивил его способ передвижения: он то вытягивался в струнку, то съеживался и делался опять толстым. Его туловище состояло из нежных колец, беззвучно передвигавшихся вперед. Майя страшно испугалась, когда жук, выступив неожиданно из-за холмика, за которым он спрятался, схватил червяка и разорвал его на две части. Не обращая внимания на отчаянные судорожные извороты обеих половинок, он принялся за одну из них.

Но вдруг он опять вспомнил, должно быть, о навеки потерянной им Ифи, и крупные слезы потекли по его щекам.

Пчелке его было очень жаль. «Как много в мире неприятностей!» — подумала она. Вдруг, к своему величайшему изумлению, она увидела, что вторая половинка червяка, о которой Курт, охваченный печалью, позабыл, стала быстро удаляться.

— Кто бы мог поверить такой вещи! — с удивлением воскликнула Майя, да так громко, что жук услыхал и начал озираться.

— Прочь с дороги! — заорал он вдруг.

— Да ведь я сижу здесь и вовсе не стою на вашем пути! — возразила пчелка.

— А где же вы сидите? — спросил Курт, все еще не видя ее. — Куда вы запрятались?

— Над вами, в чашечке цветка, — ответила Майя.

— Разве что! — сказал жук. — Но я ведь не кузнечик и не могу подпрыгнуть, чтобы вас видеть. Почему вы крикнули?

— Да ведь половинка вашего червяка убегает! — сказала пчелка.

— Да, это верно, — произнес Курт, следя за беглецом. — Эти животные удивительно подвижны. Но не беда: у меня сегодня нет аппетита.

И он бросил вторую половину червяка, которую еще держал в руках. Подобно первой, и она пустилась удирать, но в противоположную сторону.

Майя не могла прийти в себя от изумления, но жуку этот образ действия червей был, по-видимому, хорошо знаком.

— Не подумайте, пожалуйста, что я всегда питаюсь этой гадостью, — заметил он, — но не везде можно найти розы.

— Покажите, по крайней мере, этому несчастному, куда убежала его первая половина, — взволнованно попросила пчелка.

Курт задумчиво покачал головою и сказал:

— Не следует снова соединять тех, кого разлучает судьба... Кто вы? — добавил он помолчав.

— Меня зовут Майя. Я — пчела.

— Очень приятно, — заявил Курт. — Я ничего не имею против пчел. Давно вы тут?

— Я здесь ночевала.

— Вот как, — произнес подозрительным тоном жук. — Надеюсь, вы хорошо спали! Вы только что проснулись?

Майя заметила неудовольствие Курта, которому было неприятно, что его разговор с Ифи мог быть подслушан, и потому, не желая его огорчать, она утвердительно кивнула головой.

Жук бегал во все стороны, стараясь найти местечко, откуда он мог бы взглянуть вверх.

— Погодите, — обрадовался он, — вот я вскарабкаюсь на стебелек травы и посмотрю на вас. А вы взгляните тогда на меня. Ладно?

— Мне это будет очень приятно, — вежливо ответила Майя.

Курт нашел подходящее растение, и пчелка хорошо разглядела жука, когда тот встал на задние лапки и поднял по направлению к ней голову. Он показался ей довольно милым и приветливым, хотя был уже не молод и имел некрасивые, слишком толстые щеки. Он поклонился, причем стебелек под ним сильно закачался.

— Курт, из семьи бронзовок, — представился он.

Маленькая Майя, уже зная, что Курт — навозный жук, посмеялась в душе над ним. Но, не желая его огорчать, она промолчала.

— Неужели вас не беспокоит дождь? — спросила она.

— Нисколько, — небрежно ответил он. — Ведь я живу среди роз, а там почти всегда мокро или влажно.

— Курт, — с улыбкой произнесла пчелка, решив, что не мешает все-таки его немного проучить за хвастовство и ложь, — а что там за отверстие под листом?

— Где? Какое? — испугался жук. — Да тут много всяких дыр... Вы и представить себе не можете, сколько их тут!..

Но волнение, которое его охватило при этом вопросе Майи, и старания казаться спокойным имели весьма печальное для него последствие: он потерял равновесие и упал на спинку, беспомощно барахтаясь руками и ногами.

— Ой! Ой! Я погиб! — завопил он. — Я не могу повернуться!.. Я так помру... Какое несчастье!..

Курт кричал так громко, что не слышал утешений пчелки. Он

делал отчаянные попытки перевернуться, но всякий раз, когда ему казалось, что вот-вот это ему удастся, земля подавалась под ним, и он опять ложился на свою круглую спину.

— Я не выдержу этого! — стонал он. — О, если бы я мог достать хоть какой-нибудь стебелек!..

— Стойте! — воскликнула пчелка, сердце которой переполнилось состраданием. — Я попробую вас поднять. Если я напрягу все свои силы, мне, может быть, это удастся. Но, ради Бога, Курт, умоляю вас, перестаньте кричать! Послушайте меня: если я наклоню к вам стебелек, сможете вы, уцепившись за него, подняться?

Но жук продолжал кричать и стонать; страх смерти совсем свел его с ума и лишил возможности соображать.

Крошка Майя, несмотря на дождь, вылетела из своего убежища, разыскала тонкую зеленую былинку вблизи того места, где лежал Курт, и взобралась на самую ее верхушку. Она заликовала от радости, когда стебелек стал подаваться под ее тяжестью и опустился как раз над барахтавшимся Куртом, коснувшись его лица.

— Держитесь крепко! — крикнула ему Майя.

Жук, почувствовав щекотку, крепко уцепился за былинку сначала одной рукой, потом другой и, наконец, ножками, снабженными каждая двумя великолепными острыми коготками. Он начал медленно взбираться по стебельку, пока не достиг его основания, после чего опустился на ноги.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросила Майя.

— Спасибо, спасибо! — ответил Курт, держась за голову. — Как только пройдет немного головокружение, я отвечу вам подробнее.

Но пчелка не дождалась этого ответа. Над травою показалась славка, гнавшаяся за насекомым. Майя испуганно прижалась к земле и замерла в этом положении, пока птичка не пролетела. А когда минуту спустя она поднялась и стала искать глазами Курта, его уже не было.

Погода между тем прояснилась, дождь перестал, и пчелка отправилась в путь.

КУЗНЕЧИК

Денек выдался на славу! С раннего утра все было покрыто росою, а потом над лесом взошло солнце и осветило своими косыми лучами зеленые лужайки, которые засверкали и заблестели как усыпанные самоцветными камнями ковры.

Майя, проснувшись, услышала вокруг себя ликующие голоса. То радовались и пели высоко на деревьях страшные птицы или гудели и звенели порхавшие в воздухе и копошившиеся в мураве и кустах жуки, бабочки и мушки.

Маленькая пчелка уютно расположилась в отверстии древесной коры. Там было сухо, тепло и безопасно. Правда, на заре до нее донесся стук дятла по дереву. А на маленького насекомого, укрывшегося в трещинах коры, эти звуки производят такое же впечатление, как на нас, когда мы слышим ночью ломящихся в окно нашего дома грабителей. Но все обошлось для Майи благополучно.

Она вообще устроилась в своем убежище довольно прочно. В укромной щелке, темной и прохладной, она сделала себе небольшой запас меду на случай дождливых дней, а вход в свое жилище залепила воском, оставив лишь столько места, чтобы иметь возможность влетать и вылетать.

С громким ликующим жужжанием выпорхнула в это утро Майя из своего домика и окунулась в залитый солнцем мир, полная нетерпеливого ожидания, что принесет ей этот прекрасный день. В прозрачном золотистом воздухе она качалась пылинкой, которую гнал перед собою ветер.

— Сегодня я встречу человека! — воскликнула она. — В такую погоду и люди, наверно, не утерпят и выйдут насладиться природой.

Никогда еще не приходилось Майе видеть такое множество насекомых. Они носились повсюду, кружились, взвивались к небу, устремлялись к земле, издавая веселое и радостное гудение.

Малютка Майя опустилась на густо поросшую растениями и цветами лужайку. Самыми высокими среди них были беловатые пучки кашки и красный мак, так и манивший к себе. Пчелка поела немного меду, который она нашла в чашечке колокольчика, и собралась было лететь дальше, как вдруг заметила возле себя на стебельке какое-то странное существо. В первую минуту она испугалась, потому что не могла себе представить, чтобы на свете могло жить такое зеленое и такое тощее страшилище. Но страх быстро уступил место любопытству, и, как пригвожденная, Майя уставилась на длинноногого незнакомца. Ей показалось сперва, что у него были рога, но скоро она убедилась, что это был его лоб, необычайно выдававшийся вперед и увенчанный двумя очень длинными и тонкими, как ниточки, усиками. У таинственного существа были красивые передние ножки и тонкие, почти незаметные крылышки. Но больше всего ее поразили его непомерно высокие задние ноги, торчавшие над ним, как две огромные ходули. Весь он был зеленого цвета. В его хитрых глазках было выражение дерзости

и удивления, но вместе с тем в них не было злости, а скорее — добродушие и миролюбие.

— Что вы так выпучили на меня свои очи, мамзель? — сердито произнес он, по-видимому, раздраженный слишком пристальным взглядом Майи. — Разве вы никогда в жизни не видели кузнечика? Или, быть может, вы высиживаете детей?

— Что за глупости вы говорите? — рассердилась пчелка. — Если бы я даже умела это делать, я никогда не позволила бы себе подражать столь легкомысленным образом священным обязанностям нашей царицы.

Лицо кузнечика приняло такое комичное выражение, что Майя, несмотря на свою досаду, не могла не рассмеяться.

— Чего вы так радуетесь? Вы, кажется, серьезно думаете, что я могу класть яйца, да еще тут, на лужайке?

Но в это мгновенье раздался неожиданно какой-то треск, кузнечик воскликнул «гопля!» — и исчез. Он взвился высоко в воздух, не прибегая для этого к крыльям, и сделал безумно смелый, как показалось Майе, дугообразный скачок. А через секунду он уже опять сидел рядом с нею на листке колокольчика, и пчелка даже не успела заметить, с какой стороны он на него вскочил.

Удивительный прыгун принялся рассматривать Майю со всех сторон, сзади и спереди.

— Да, — протянул он презрительно, — вы действительно не приспособлены для кладки яиц... Не волнуйтесь, мамзель, — продолжал он, видя, что пчелка сердито повернулась к нему лицом. — Вы, если не ошибаюсь, оса?

— Нахал! — сердито воскликнула оскорбленная этой дерзостью Майя.

Но кузнечик опять крикнул «гопля!» — и был таков.

— Нет, этот грубиян окончательно расстроил мне нервы, — сказала себе пчелка и решила улететь.

Слыханное ли дело? Такого оскорбления ей еще никто никогда не наносил. Принять ее за осу, за представительницу этого разбойничьего бродячего народа! Возмутительно!

Но в эту минуту кузнечик снова очутился возле Майи.

— Мамзель, — проговорил он, поворачиваясь к ней, причем его задние ноги изобразили часовые стрелки, когда они показывают половину седьмого, — мамзель, вы должны меня извинить, если я время от времени так странно и неожиданно прерываю разговор. Но я не виноват: это находит на меня как-то сразу, и я должен прыгнуть, должен скакнуть куда глаза глядят... А вы умеете прыгать? — вдруг задал он ей вопрос, и его рот растянулся в широкую улыбку.

Майя невольно засмеялась.

— Кто вы такой? — спросила она. — Вы обладаете удивительным свойством раздражать всех, кто с вами разговаривает.

— Что делать! Все уж меня знают таким, — ответил он и состроил при этом такую смешную гримасу, что пчелка не могла понять, говорит ли он серьезно или смеется над нею.

— Я здесь иностранка, — вежливо заметила она, — иначе я, конечно, знала бы вас. Но прошу вас запомнить раз и навсегда, что я не оса, а принадлежу к семейству пчел.

— Да ведь это одно и то же! — воскликнул кузнечик.

— Вы невежда, — с трудом сдерживая негодование, сказала Майя. — Потрудитесь при удобном случае внимательно рассмотреть осу.

— Зачем? — небрежно ответил он. — Вы летаете, жалите и не умеете прыгать. Оса — тоже. В чем же разница?.. Гопля! — И он снова исчез.

«Ну, теперь надо отсюда прочь», — подумала пчелка, но не успела она расправить крылья, как ее собеседник опять очутился возле нее.

— Завтра будут призовые скачки в саду пастора Зюндепика, — сказал он. — Не желаете ли получить входной билет, мамзель? У моей старухи осталось еще два, и я полагаю, что она не откажет уступить вам один. Я надеюсь завтра побить рекорд.

— Меня это мало занимает, — ответила еще не оправившаяся от досады Майя. — Кто умеет летать, у того интересы — повыше.

Кузнечик громко расхохотался.

— Не зазнавайтесь, мамзель, — произнес он. — Летать умеют много животных, а вот прыгать не всякое способно. Даже человек, и тот стремится к этому. На днях я видел, как пастор Зюндепик подпрыгнул почти на пол-аршина, желая хвастнуть своим искусством перед змеей, пересекавшей ему дорогу, при этом он даже трубку выронил и не нагнулся, чтобы ее поднять. А уж без трубки — какой это пастор! Вот до чего доходит честолюбие! Я знавал одного кузнечика, который подпрыгивал на высоту, в триста раз большую, чем его собственное тело... Кто другой решится на такое рискованное дело? Даже величайшее в мире животное — слон, и тот не в состоянии сделать такой прыжок... Ну, что же вы молчите, сударыня?

— Да ведь вы все время болтаете и не даете мне слова сказать! — воскликнула Майя.

— Пожалуйста, говорите, — приветливо пригласил ее кузнечик, крикнул «гопля!» и снова пропал.

Пчелка, несмотря на свою досаду, опять расхохоталась. С одной стороны, ее раздражали насмешки кузнечика, а с другой — она не могла не удивляться его опыту и большим познаниям.

Понимает ли он язык людей? Ведь он даже их имена знает! Она очень хотела бы его об этом спросить, если только он еще раз вернется.

— Мамзель! — позвал ее вдруг кузнечик, и она увидела, как соседний стебелек сильно закачался.

— Скажите, неужели вы постоянно скачете, сами не зная, куда?

— Конечно, — ответил кузнечик. — А как же иначе? Разве кому-нибудь известно будущее? Никому. Только лягушка умеет его предсказывать, но она не говорит, как она это делает.

— Откуда только вы знаете такие вещи! — удивилась пчелка. — А язык людей вы понимаете?

— Это вопрос, на который очень трудно дать ответ, мамзель. Еще совершенно не доказано, есть ли вообще у людей язык, хотя они издают какие-то отвратительные, ни на что не похожие звуки, при помощи которых они объясняются, по-видимому, друг с другом. Иногда, впрочем, и у них наблюдается стремление к благозвучию. Я видел раз, как два мальчика, держа между пальцами соломинки, дули в них изо всех сил, получая довольно красивое жужжание, несколько напоминавшее голос стрекозы, но, конечно, далеко не такое звучное. Во всяком случае, они стараются говорить. Угодно вам еще что-нибудь узнать? Я ведь очень опытный.

Но в ту же секунду он снова исчез и уже больше не возвращался. Маленькая Майя тщетно ждала его, осматривая кругом траву и цветы. Он пропал бесследно.

ПУКА

Жаркий летний день сильно утомил маленькую Майю. Она вяло летала среди ярко-зеленых садовых кустов, пока не нашла себе прохладный уголок в ветвях огромного каштана, под сенью которого на утоптанной траве были расставлены столы и скамьи. Неподалеку краснела кирпичная крыша крестьянского домика, увенчанная низкой, слегка дымившейся трубой.

Пчелка была уверена, что теперь-то она, без сомнения, встретит человека: ведь она пробралась почти к самому его жилью.

Вдруг что-то прожужжало над самым ухом Майи, и рядом с нею на лист, где она сидела, опустилась муха. Сначала она замета-

лась по его зеленым жилкам, бегая по ним какими-то странными маленькими толчками, так что движения ее ног сливались, и можно было подумать, что она не передвигалась, а скользила взад и вперед. По-видимому, она выискивала таким образом местечко, где могла бы усесться поудобнее. Иногда она неожиданно взвивалась вверх и жужжала при этом с такой болезненной тоской, словно страдала при виде чего-то ужасного, затем снова опускалась и как ни в чем не бывало прыгала по листу. Наконец, тихо усевшись, она замерла в неподвижной позе.

Майя внимательно следила за мухой, а когда та угомонилась, она придвинулась к ней и вежливо сказала:

— Здравствуйте! Добро пожаловать на мой лист. Насколько я могу судить, вы — муха?

— А вам-то что? — ответила та, в свою очередь, вопросом. — Мое имя Пука, и я очень занята. Вы, кажется, хотите прогнать меня отсюда?

— Что вы! Что вы! — поспешила ее успокоить Майя. — Я очень рада с вами познакомиться.

— Я думаю! — самоуверенно произнесла муха и буйно схватила себя за голову, словно хотела ее оторвать.

— Ради Бога! — испуганно воскликнула пчелка. — Осторожнее!..

— Не волнуйтесь по-пустому, — снисходительно проворчала муха и начала проводить лапками по крыльям с такой силой, что они совсем загнулись книзу. — Вы в этом деле ничего не понимаете. Имейте в виду, что я — комнатная муха, — с гордостью прибавила она, — и вылетела только на одну минутку, чтобы подышать свежим воздухом.

— Как это интересно! — с радостью заметила Майя. — Значит, вы знаете человека?

— Как карман своей юбки! — небрежно ответила Пука. — Я ведь постоянно сижу на людях. Неужели вам это неизвестно? А еще говорят, что пчелы — смышленый народ.

— Меня зовут Майей, — робко сказала пчелка, удивляясь, откуда берется у других насекомых такая уверенность в себе, такое сознание собственного достоинства и даже иногда такая наглость.

— Как бы вас там ни звали, а вы все-таки глупы, — дерзко заявила муха.

Майя была вне себя от нанесенного ей оскорбления. Недолго думая, она бросилась вдруг на Пуку и крепко схватила ее за шиворот.

— Я покажу вам, как грубить пчеле! — крикнула она.

Муха жалобно застонала.

— Ради Бога, не жальте меня! — взмолилась она. — Только не жальте! Это — единственное, на что вы способны, но это очень опасно. Я ведь пошутила... Ведь кто же не знает, что пчелы — самые уважаемые и могущественные среди насекомых! Господи! И почему это никто не понимает моих шуток!..

— Ну так и быть! — не без презрения произнесла Майя. — Я подарю вам жизнь, но при условии, что вы сообщите мне о человеке все, что вы о нем знаете.

— Да я и без того хотела вам рассказать о нем! — радостно воскликнула Пука. — Только не трогайте меня!

Майя выпустила ее. Ей стало вдруг совершенно безразлично, расскажет ли ей что-нибудь муха или нет, так как она потеряла к ней всякое доверие и уважение. «Опыт такого жалкого существа не может иметь серьезного значения, — подумала она. — По-видимому, мне придется самой познакомиться с человеком».

— Вы мне вывихнули мой хоботок, совсем вывихнули! — сокрушенно вздыхала Пука. — Очень уж вы неосторожны. Вот посмотрите сами: вы мне раздавили все подушечки[1] на лапках.

— Разве у вас есть на лапках подушечки? — удивилась пчелка.

— Ну конечно есть... Итак, что вы хотите узнать о человеке? — спросила муха. — Если угодно, я расскажу вам случай из моей собственной жизни. Ведь я выросла среди людей.

— Неужели? — сказала Майя.

— Очень просто! В уголку комнаты, где жил человек, моя мать положила яичко, из которого я потом и вышла. На оконных гардинах я делала свои первые шаги, а на пространстве между Шиллером и Гёте пробовала силу своих крыльев.

— А что такое Шиллер и Гёте? — полюбопытствовала пчелка.

Пука объяснила ей, что это бюсты двух людей, по-видимому, чем-то отличившихся. Они стоят у зеркала, по правую и левую сторону от него, но никто не обращает на них внимания.

Майя поинтересовалась, что такое зеркало и почему возле него находятся два бюста.

— Если вы станете на зеркало, — начала ей растолковывать муха, — то сможете увидеть свое брюшко. Это очень забавно. Когда люди подходят к зеркалу, они обыкновенно или гладят себя по волосам, или теребят свою бороду. Если же они остаются одни в комнате, то улыбаются перед зеркалом, а когда при этом есть

---

[1] Как известно, ноги мух снабжены придаточными коготками или присасывательными подушечками, вырабатывающими липкую жидкость, при помощи которой насекомое может прикрепляться к предметам. (Прим ред.).

еще кто-нибудь, то делают серьезное лицо. Какое значение зеркала, я до сих пор еще не могу понять, по-видимому, это просто бесполезная игрушка. Что касается меня, то в первые дни моего существования зеркало причиняло мне немало страданий, так как я часто со всего размаху ударялась в него.

Видя, с каким вниманием Майя ее слушает, Пука сделалась приветливее, и язык у нее постепенно развязался. Хотя пчелка верила далеко не всему, что ей рассказывала муха, но она все же поняла, что думала о ней сначала слишком пренебрежительно.

А Пука продолжала докладывать:

— Не скоро научилась я языку людей. Если не находишься с ними в близких отношениях, это очень трудно. Зато теперь я их понимаю очень хорошо. Впрочем, по большей части они ежедневно повторяют одно и то же.

— Как это может быть? — возразила Майя. — Ведь у человека столько интересов, столько великих мыслей и дел! Кассандра говорила мне, что люди строят города, которых не облететь за целый день, и башни, выше которых не может подняться даже наша царица; она рассказывала мне, что у них есть плавающие по воде дома и еще маленькие домики, которые быстрее птиц мчатся по земле на двух узких серебряных дорожках...

— А кто это Кассандра? — перебила ее муха.

— Ах да! — ответила Майя. — Я и забыла, что вы ее не знаете. Это — моя воспитательница.

— Воспитательница... Значит, тоже пчела, — небрежным тоном заметила Пука. — Ну тогда мне все ясно: кому же, как не ей, переоценивать достоинства человека? Должна вам сказать, что у вашей госпожи Кассандры нет никаких исторических знаний. Все эти людские сооружения, о которых вы только что упомянули, не имеют для нас ровно никакого значения. Нельзя смотреть на все такими непрактическими глазами, как это делаете вы. Кто не знает, что вселенной владеют мухи, что они — самые многочисленные и самые важные в мире существа, тот, конечно, не имеет верного о нем представления.

С этими словами Пука возбужденно забегала по листу и стала энергично крутить и рвать свою голову. Майе даже жутко стало. Но она заметила, что, собственно говоря, ничего существенного она пока от своей собеседницы не узнала.

— Вы сами можете убедиться, что я права, — продолжала Пука, ворочая своими лапками с такой силой, словно она хотела их вывернуть. — Попробуйте только сосчитать, сколько в комнате людей и сколько мух. Результат приведет вас в изумление.

Может быть, — согласилась пчелка, — но ведь не в этом дело...

— Мы, мухи, самые отважные в мире существа, — гордо воскликнула Пука. — Сидели ли вы когда-нибудь на человеке? — спросила она вдруг.

— Нет! — ответила Майя, и недоверчиво взглянула на Пуку. Она все еще не могла понять, как следует ей относиться к этой хвастунье... — Да и какой мне интерес?

— Вы говорите так, потому что не понимаете этого, моя милая. Но если бы вы могли хоть раз взглянуть на веселую игру, которую я веду с человеком в его жилище, вы умерли бы от зависти. Ну так и быть, я вам расскажу. В моей комнате живет старик, поддерживающий красный цвет своего носа каким-то странным напитком, спрятанным у него в угловом шкапу. У этой жидкости приятный, опьяняющий запах. Когда старик подходит к шкапу, он радостно улыбается, и глазки у него делаются совсем маленькие. Он наливает напиток в рюмку и, когда пьет, смотрит всегда под потолок — там ли я. Я киваю ему головою, и он проводит рукою по лбу, носу и губам, показывая мне, куда я должна потом садиться. Затем он жмурит глаза, широко раскрывает рот и опускает занавески на окнах, чтобы послеобеденное солнце не мешало нашей забаве. После этого он ложится на постель, которую он называет диваном, и через короткое время начинает издавать глухие, хриплые звуки, доставляющие ему, по-видимому, большое удовольствие... Для меня оно — знак, что я могу слететь вниз и приступить к делу. Сначала я прикладываюсь к рюмке, где оставлено кое-что и на мою долю. Я прекрасно понимаю человека: глоток-другой этой жидкости действует удивительно возбуждающе. Хлебнув вкусного напитка, я подлетаю к спящему и сажусь ему на лоб. Эта часть его тела находится у него между носом и волосами и служит для размышления. Это можно видеть по длинным бороздам, которые тянутся справа налево и движутся, когда он думает. Как только я начинаю гулять взад и вперед по этим углублениям, старик принимается ловить рукою воздух. Но так как я сижу на его мыслительном аппарате, то он не может сразу понять, где я, и пытается схватить меня в пустом пространстве. Наконец, он догадывается, в чем дело, и с ворчанием устремляется на меня. Ну, мамзель Майя, — или как вас там зовут, — тут надо держать ухо востро! Я вижу приближающуюся руку и в решительный момент отлетаю в сторону, ожидая, пока он не убедится, что меня на лбу уже нет. Так играем мы с ним в течение получаса по крайней мере. Вы представить себе не можете, сколько у человека терпения! Кончается забава обычно тем, что он вскакивает и разражается потоком слов, доказываю-

щих, какое он неблагодарное создание. Но что делать? Я усаживаюсь на потолке и слежу за проявлением человеческой неблагодарности.

— Не могу сказать, чтобы это мне особенно нравилось, — сказала Майя. — Ведь это совершенно бесполезное занятие.

— А по-вашему, мне следовало бы построить у него на носу сотовую ячейку? — возмутилась Пука. — У вас нет никакого чувства юмора, моя дорогая. А что такого полезного делаете вы сами?

Маленькая пчелка густо покраснела. Но она моментально овладела собою, чтобы муха не заметила ее смущения.

— Настанет время, когда и я буду делать великое и полезное дело, — быстро возразила она. — Но прежде я хочу узнать, что происходит на белом свете... Не разрешите ли на прощанье предложить вам еще один вопрос?

— Спрашивайте. Я отвечу на все.

— Я хотела бы узнать, как попасть мне в дом человека?

— Влетите туда, — мудро и просто посоветовала муха.

— А как это сделать безопасно? — спросила Майя.

— Ждите, пока откроется какое-нибудь окно. Но внимательно заметьте выход. Если вы его потом не найдете, то летите на свет. Окон вы в каждом доме найдете достаточно. Надо только смотреть, где светит солнце. Вы хотите попасть туда немедленно?

— Да, — ответила пчелка, пожимая руку Пуке. — Прощайте и будьте здоровы.

С тихим, беззаботно звучавшим, задушевным жужжанием Майя взмахнула своими блестящими крылышками и полетела к покрытой цветами лужайке, чтобы раздобыть себе там немного пищи.

В СЕТЯХ ПАУКА

Встреча с мухой произвела на Майю неприятное впечатление. Ей не хотелось верить, что все сказанное Пукой про людей было правдой. Пчелка привыкла думать о человеке иначе. Она составила себе о нем понятие как о существе высшем и прекрасном и не могла представить его себе в смешном или неблагоприятном свете... Она даже не решалась, несмотря на совет мухи, приблизиться к его жилищу. Она вспомнила слова Кассандры: «Люди — добры и мудры. Они сильны и могущественны, но не злоупотребляют своей мощью. Всюду, куда они проникают, они создают порядок и благосостояние. Они благожелательно настроены к пчелиному

племени, и потому-то мы доверяем себя их защите и разделяем с ними наш мед. Люди оставляют его нам в количестве, вполне достаточном для зимы, и заботятся о том, чтобы мы не страдали от мороза и от наших врагов. Ты, вероятно, услышишь среди насекомых голоса, дурно отзывающиеся о людях. Не верь им. Бывали случаи, когда неразумные пчелиные роды переселялись в леса и пытались устроиться там без помощи человека. Но такие попытки почти всегда кончались плачевно. Наш мед любят очень многие, и нередко целые ульи со всеми их постройками и запасами погибали только от того, что разные жадные и глупые звери стремились удовлетворить их влечение к меду».

Так говорила Кассандра. И до тех пор, решила Майя, пока она не убедится собственными глазами в противном, она твердо будет верить в истину этих слов.

Было уже далеко за полдень, и солнце стояло за высокими яблонями большого сада, через который пролетала пчелка. Деревья уже отцвели, и Майя вспомнила, что еще совсем недавно они сверкали множеством разноцветных венчиков, поднимавших к голубому небу свои ясные, как свет, и чистые головки.

В конце сада мелькали белые звездообразные пучки жасмина с их нежными желтыми личиками, окаймленными белоснежными веночками. Тихий ветерок доносил до Майи их сладкий аромат. А как хороши были липы, еще стоявшие в это время года в полном цвету! И пчелка с удовольствием взглянула на эти высокие строгие деревья, в верхушках которых долго, до самого позднего вечера, золотятся лучи заходящего солнца.

Направляясь к кустам жасмина, Майя увидела под собой ряды ежевики, на которой уже появились первые зеленые ягодки. Вдруг она почувствовала у себя на лбу и на плечах что-то странное, и в то же мгновенье какая-то пелена прикрыла ей тело, так что ей показалось, будто ее неожиданно связали. Ей почудилось, что она летит вниз на землю. Но этого не случилось. Несмотря на то что она почти не могла пошевельнуться, она не падала: какая-то сила удивительно нежно и мягко держала ее в воздухе, то слегка приподнимая, то снова опуская, то покачивая из стороны в сторону, — так легкий ветерок играет с упавшим листком.

Майей начинал овладевать страх, хотя она еще не понимала, чего ей бояться, так как не чувствовала никакой боли. «Надо поскорее прочь отсюда, — подумала она. — Попробую поднатужиться, и мне, наверно, удастся уйти».

Вдруг она заметила у себя на груди длинную тонкую серебристую нить и быстро схватила ее лапкой... Что такое?! Нить повисла у нее на руке, приклеилась к ней и ни за что не хотела отста-

вать... А вот и вторая такая же нить — она проходит через плечо... а вот еще одна — над крыльями... она связала их так, что нет возможности ими двинуть... Вот еще... еще... везде вокруг Майи висели в воздухе блестящие клейкие нити.

Маленькая пчелка громко крикнула от ужаса, ибо поняла наконец, что случилось: она была в сетях паука.

Ее громкие рыдания и вопли гулко разнеслись по залитому солнечным светом саду, где беззаботно порхали насекомые и птицы. Близко, совсем близко благоухал жасмин. Она хотела вкусить его аромата... И вдруг — конец!..

Мимо Майи пролетел крохотный синеватый мотылек, коричневые пятнышки которого блестели как медь.

— Ах, бедняжка! — воскликнул он при виде несчастной. — Да будет вам легка смерть! Я не могу вам, к сожалению, помочь. Ведь и меня ждет такая же судьба и, может быть, даже в эту ночь. Но пока я еще жив — и я счастлив! Прощайте!

И он упорхнул, упиваясь цветами, ярким днем и своим счастьем.

У маленькой пчелки выступили на глазах слезы, и она потеряла всякое самообладание. Она начала отчаянно биться своими скованными крылышками и ногами, она кричала, рыдала и громко звала на помощь, сама не зная кого. Но чем больше она рвалась и металась, тем больше запутывалась в сетях. Тут-то припомнила она предостережение Кассандры: «Берегись сетей паука, где нас ждет мучительная смерть. Это — хитрое и бессердечное животное, и уйти из его лап очень трудно».

Пчелка совсем измучилась и притихла. Вдруг она заметила под большим листом ежевики, совсем близко от себя — паука. Трудно описать ее ужас, когда она рассмотрела это огромное чудовище, тихо сидевшее в своем убежище с таким видом, как будто оно готовилось прыгнуть на свою добычу. Паук глядел на Майю сверкавшими злостью глазами, полными жестокого терпения и равнодушия.

Пчелка опять громко крикнула. Никогда еще в голосе ее не было столько горя и страдания. Это серое волосатое животное с его злым ртом и высокими ногами, на которых туловище его покоилось, как на подставке, было страшнее самой смерти. Вот-вот бросится оно на Майю и положит конец ее жизни!..

Внезапно пчелкой овладела такая ярость, какой она еще никогда не испытывала. Она испустила резкий боевой клич ее племени, хорошо всем знакомый и столь грозный, и, позабыв о своем страхе, решила бороться с врагом до последней крайности.

— Вы дорого заплатите мне за ваше коварство! — крикнула она пауку. — А ну-ка идите сюда! Вы узнаете, что такое пчела!

Паук приблизился к ней почти вплотную, ухватился за паутинку, вокруг которой она билась ногами, и сердито крикнул:

— Как вы смеете портить мою сеть? Что вам тут надо? Мало вам места на свете, что ли? Чего вы лезете в обитель мирного отшельника?

Таких слов пчелка никак не ожидала!

— Я нечаянно. Я попала сюда нечаянно... — залепетала она задрожавшим от надежды и счастья голосом. — Я не заметила вашу сеть и запуталась в ней... Простите, пожалуйста...

Как ни отвратительно было чудовище, но Майе показалось, что у него не было по отношению к ней злых намерений.

Паук подвинулся к ней еще ближе.

— Вы действительно очень сильное, хотя маленькое создание, — произнес он, выпуская то из одной, то из другой ноги какое-то вещество.

Майя замерла в ожидании.

Нить заколебалась. Было удивительно, как могла тонкая паутинка выдерживать тяжесть такого большого насекомого.

— Выпустите меня! — взмолилась Майя. — Я буду вам век благодарна!

— Я затем и подошел к вам, — странно усмехаясь, произнес паук. Несмотря на то что он улыбался, вид у него был злой и хитрый. — Своим барахтаньем вы мне испортили все мое сооружение, — продолжал он. — Посидите минутку спокойно, и я освобожу вас.

— О, спасибо, спасибо! — радостно воскликнула пчелка.

Чудовище было уже рядом с ней и быстро убедилось, как крепко запуталась Майя в его паутине.

— А где ваше жало? — спросил паук.

Боже! Какой у него злобный, какой гнусный вид! Пчелка вздрогнула от отвращения при мысли, что он может к ней прикоснуться. Но она подавила это чувство и ответила возможно спокойнее и вежливее:

— Не беспокойтесь о нем. Я втяну его внутрь, и тогда оно не может никому причинить вреда.

— В таком случае сделайте это, пожалуйста. А теперь сидите спокойно...

Маленькая Майя послушно застыла на своем месте. Вдруг она почувствовала, что начинает быстро-быстро вертеться... Ей сделалось дурно, и она должна была на минуту закрыть глаза... Но что же это такое?.. В ужасе она осмотрелась и увидела, что все ее тело было туго обвито свежей липкою нитью, которую паук, по-видимому, только что выпустил.

— О Господи! — прошептала она дрожавшим голосом.

Больше она ничего не сказала... Она ясно увидела, что теперь смерть неизбежна. Только теперь она поняла коварство чудовища, ибо сидела у него в плену прочнее, чем раньше, не видя спасения.

Паук, сделав свое дело, отодвинулся назад. Он все еще боялся жала своей жертвы.

— Ну как вы себя чувствуете, малютка? — насмешливо спросил он.

Пчелка даже не удостоила предателя ответом. Немного спустя, будучи не в состоянии совладать с охватившей ее тоской, она взмолилась:

— Убейте меня поскорее, прошу вас!

— Как бы не так! — ответил паук, связывая разорванные нити. — И не подумаю! Я не так глуп, как вы. Если оставить вас так висеть достаточно времени, то вы все равно умрете, и вашу кровь я успею высосать после вашей кончины, когда вы уже не сможете

жалить. Жалко только, что вы не можете видеть, как вы попортили мою сеть: тогда вы поняли бы, что ваша смерть вполне вами заслужена.

С этими словами он спустился с быстротою молнии на землю, закрепил на камне конец заново сотканной им нити и туго ее затянул. Затем он снова поднялся наверх, схватил толстую паутинку, на которой висела запутавшаяся Майя, и медленно потащил ее в сторону вместе с пленницей.

— Перейдем-ка в тень, моя милая, — сказал он. — А не то солнышко слишком высушит вас. Кроме того, вы отпугиваете тут других моих гостей, да и славкам тоже приходит иногда мысль опустошать мою сеть... Кстати, вам, может быть, интересно знать, с кем вы имеете дело: мои имя и фамилия Фома Крестовик. Как вас зовут — мне безразлично. Главное — вы безусловно лакомый кусочек...

Несчастная Майя, связанная по рукам и ногам, осталась в тени ежевики, во власти жестокого паука, задавшегося целью замучить ее медленной голодной смертью. Она висела головой вниз и чувствовала, что долго такого положения не выдержит. Испуская тихие стоны, она звала на помощь, но ее крики звучали все слабее и слабее. Да и кто мог ей помочь? Родные — там, дома, — не знали, какое с нею приключилось несчастье, и не могли ее спасти.

Вдруг где-то внизу, в траве, она услышала сердитый возглас:

— Прочь с дороги!

Измученное сердечко пчелки громко застучало. Она сразу узнала голос навозного жука Курта, чей разговор с Ифи она недавно подслушала и которому помогла в беде.

— Курт! — крикнула она изо всех сил. — Милый Курт!

— Прочь с дороги! — продолжал хорохориться синий жук.

— Да я не стою вам на дороге, Курт! — воскликнула Майя. — Я вишу над вами в сетях паука.

— Но кто вы такая? — спросил жук. — Меня-то знают все, но сам я многих не знаю.

— Я пчелка Майя. О, умоляю вас, спасите меня!

— Майя? Майя? Ах да, припоминаю! Вы недавно со мною познакомились... Черт возьми! Надо признаться, что вы попали в довольно щекотливое положение! Тут действительно необходима моя помощь. К счастью, я сейчас не очень занят и не откажу вам в содействии.

— О, милый Курт! Не можете ли вы разорвать эти нити?

— Разорвать эти нитки? Да вы что, оскорбить меня хотите, что ли? — И Курт хлопнул одной рукой по мускулам другой. — Взгляните, малютка, на эти мышцы: ведь это чистая сталь!

Жук вскарабкался на лист, достал державшую пчелку нить, крепко за нее ухватился и натянул. Она оборвалась и полетела вместе с Куртом на землю.

— Это только начало, — сказал он. — Но я вижу, малютка Майя, что вы вся дрожите. Ах, как вы бледны, бедняжка!

Маленькая пчелка не могла вымолвить ни слова. Слезы радости текли у нее по щекам. Она будет свободна, снова будет наслаждаться солнечным светом, полетит куда захочет, будет жить!..

Вдруг она заметила, что ее враг спускается по кусту ежевики.

— Курт! — в ужасе закричала она. — Курт! Паук идет!..

Но жук только усмехнулся. Он знал, что природа создала его сильным и храбрым насекомым.

В ту же минуту над ними раздался сердитый, трескучий голос:

— Разбойник! Грабитель! Караул!.. Как смеешь ты, толстый болван, отнимать у меня мою добычу?

— Не волнуйтесь, сударь, — невозмутимо ответил Курт, — это не ваша добыча, а моя приятельница... И если вы скажете хоть еще одно слово, которое мне не понравится, я изорву всю вашу паутину!.. А! Вы, я вижу, вдруг умолкли... В чем дело?..

Паук бросил на него полный ненависти взгляд, но, посмотрев на свою истерзанную паутину, решительно повернул назад, ворча и ругаясь себе под нос. Ведь у этого мохнатого животного такой плотный панцирь, что его никакими зубами не прокусишь... Ничего с ним не поделаешь... И, проклиная царящую в мире несправедливость, Фома Крестовик забился под увядший лист...

Тем временем Курт совсем освободил малютку Майю. Он разорвал все липкие нити, сковывавшие ее крылышки и ножки, и пчелка стала радостно расправлять свои члены, — правда, очень медленно, потому что она сильно ослабела и все еще дрожала.

— Забудьте о том, что произошло, — посоветовал ей жук, — и тогда ваша дрожь прекратится. Попробуйте-ка, умеете ли вы еще летать...

Майя взмахнула крылышками и с удовольствием убедилась, что они у нее не повреждены. Она тихо подлетела к жасмину, жадно припала к его душистой чашечке, где она нашла много медового сока, а затем вернулась к Курту, которого оставила в траве.

— От души благодарю вас! — горячо воскликнула она, в восторге от возвращенной ей свободы.

— Принимаю вашу благодарность, — ответил с важностью жук. — Я заслужил ее... Ну летите с Богом! Советую вам сегодня вечером лечь пораньше спать. Вам далеко до дому?

— Нет, — ответила Майя, — минуты две. Я живу в буковом лесу. Прощайте, Курт! Я никогда вас не забуду. Никогда в жизни!

КЛОП И МОТЫЛЕК

Страшное приключение с пауком заставило Майю призадуматься. Она решила быть отныне более осторожной и летать не так стремительно. Правда, Кассандра предупреждала ее о разных опасностях, угрожающих пчелам, но мир так велик, что их в нем гораздо больше, чем предполагала ее воспитательница... А потому — благоразумие и внимание!

Но пчелка становилась рассудительной только по вечерам, когда сумерки окутывали землю и когда она начинала чувствовать свое одиночество. Стоило наутро выглянуть солнышку, и она забывала добрую половину принятых ею накануне решений, немедленно уступая непреодолимому желанию окунуться с головой в водоворот жизни.

Однажды она увидела в кустах малины какое-то странное животное. Оно было угловатое, очень плоское, но с красивым рисунком на спинном щитке, глядя на который нельзя было угадать: сложенные это крылья или нет. Это удивительное маленькое создание тихо сидело на листе; его глаза были полузакрыты, и оно казалось погруженным в глубокую задумчивость.

Майе захотелось узнать, что это было за существо. Она подлетела к нему, уселась поблизости и поклонилась. Но загадочное животное не обратило на нее никакого внимания.

— Послушайте, сударь, — произнесла пчелка, слегка толкнув лист, на котором помещался незнакомец.

Последний медленно открыл один глаз, взглянул на Майю и вяло сказал:

— Пчела... много вас тут...

Затем он снова закрыл глаз и опять погрузился в раздумье.

«Как странно!» — подумала Майя, твердо решив вместе с тем разгадать тайну неизвестного создания. Она попробовала соблазнить его угощением.

— Не хотите ли меду? — предложила она. — У меня его много...

Незнакомец опять раскрыл один глаз и задумчиво посмотрел на Майю.

«Ну-ка что скажет он теперь?» — подумала она.

Но он ничего не сказал, снова закрыл свой глаз и так плотно прижался к листу, что ноги его совсем исчезли; можно было подумать, что кто-то сильно его придавил и расплющил.

Пчелка поняла тогда, что неведомое существо не желало с ней разговаривать. Ей стало неприятно, что ее так грубо отталкивали, и ей захотелось добиться своего.

— Кто бы вы ни были, — воскликнула она, — но вы должны знать, что в мире насекомых принято отвечать на приветствие, особенно если оно исходит от пчелы!

Однако незнакомец не шелохнулся и на этот раз и даже не открыл глаза.

«Он, верно, болен, — решила Майя, — и потому сидит в тени. Как тяжело болеть в такой прекрасный день!» — пожалела она его и, перелетев на его лист, участливо спросила:

— Что у вас болит, мой милый?

Тут таинственное животное начало двигаться, но так странно, словно его подталкивала чья-то невидимая рука.

«У бедняги нет ног, — подумала пчелка, — вот почему он настроен так мрачно».

У основания листа незнакомец остановился, и Майя с изумлением увидела, что он оставил за собою маленькую бурую капельку, издававшую такое зловоние, что у пчелки дух захватило. Она быстро перелетела на ягодку малины, заткнула нос и вся дрожала от возмущения и негодования.

— И охота была вам связываться с клопом! — рассмеялся кто-то возле нее.

Майя оглянулась. Над нею на тонком, медленно качавшемся стебельке сидел, подставив свое тело солнечным лучам, белый мотылек. Он тихо и беззвучно поводил своими большими крыльями с черными каемками и с таким же пятном на каждом из них. Пчелке случалось видеть этих насекомых, но познакомиться ни с одним из них ей до сих пор не удавалось. Восхищенная красотою мотылька, она забыла свою досаду.

— Да, вы правы, что смеетесь надо мной, — сказала она ему. — Так это был клоп?

— Ну конечно, — улыбнулся ей мотылек. — С клопами не следует водить компанию. Вы, должно быть, еще очень молоды?

— Ну не совсем, — ответила Майя. — У меня уже довольно большой опыт. Но такого животного я еще не встречала. Фи! Как можно себя вести так, как он!

Мотылек опять рассмеялся.

— Клопы обречены на одиночество, — сказал он, — и так как никто их не любит, то они стараются именно таким образом обращать на себя внимание. Ведь вы, например, и не подумали бы о нем, а вот теперь вы не скоро его позабудете.

— Какие у вас прекрасные крылья! — переменила пчелка

разговор. — Какие легкие и белые!.. Позвольте представиться: я — Майя, пчела.

Мотылек сложил крылья, превратившиеся, казалось, в одно-единственное, сильно торчавшее кверху. Он поклонился и произнес:

— Фритц!

Это было его имя.

Майя не могла им налюбоваться.

— А ну-ка полетайте! — попросила она.

— Вы хотите, чтобы я улетел? — удивился мотылек.

— О нет! — поспешила его успокоить пчелка. — Я хочу только посмотреть, как движутся в воздушной синеве ваши большие белые крылья. Впрочем, это можно будет увидеть и после. Вы где живете?

— У меня нет постоянной квартиры, — ответил Фритц, — это слишком хлопотливо. С тех пор как я сделался мотыльком, я наслаждаюсь жизнью на свободе. Раньше, когда я был гусеницей, я только и делал, что лежал на капустном листе, обжирался и злился.

— Что вы говорите? — изумилась Майя.

— Прежде я был гусеницей, — повторил Фритц.

— Не может быть! — воскликнула пчелка.

— Послушайте, — произнес мотылек, вытянув свои усики по направлению к Майе, — да ведь это всем известно! Даже человек это знает!

Пчелка была глубоко поражена. Она не могла себе представить ничего подобного!

— Знаете, мне трудно поверить этому, — сказала она, сомнительно покачивая головою. — Может быть, вы объясните мне это подробнее.

Фритц пересел на тонкую ветку куста рядом с Майей, и свежий утренний ветерок плавно покачивал их обоих. Он обстоятельно описал пчелке свое существование сначала гусеницей, а потом в виде некрасивого бурого комка, называемого куколкой.

— А через несколько недель, — закончил он свой рассказ, — я проснулся от своего глубокого сна и разорвал плотно охватывавшую меня оболочку... Я не нахожу слов для выражения восторга, какой испытываешь, когда после столь долгого пребывания во мраке вдруг сразу видишь солнце! Мне показалось тогда, что я окунулся в теплое золотистое море, и я сразу так полюбил жизнь, что у меня сделалось сердцебиение.

— Я вас понимаю, — подтвердила Майя. — Я испытала то же

самое, когда вылетела в первый раз из нашего темного города в напоенный благоуханием ясный простор.

На минуту пчелка умолкла, отдавшись нахлынувшим на нее воспоминаниям. Но потом ей захотелось узнать, как могли в тесной оболочке вырасти у мотылька такие большие крылья.

Фритц охотно объяснил ей и это.

— Они легко складываются, вроде того как лепестки цветка свертываются в почку. Когда делается светло и тепло, цветок раскрывается. То же самое произошло и с моими крыльями. Никто не может противостоять благотворному влиянию солнца.

— Да, это правда, — согласилась Майя и принялась задумчиво рассматривать белого мотылька, который так красиво выделялся на фоне голубого неба.

— Про нас говорят, что мы легкомысленны, — продолжал Фритц. — Но в сущности мы лишь бесконечно счастливы. Вы не можете себе представить, каким серьезным мыслям о жизни я иногда предаюсь.

— К какому же вы пришли заключению? — спросила пчелка.

— Я думаю о будущем, — ответил мотылек. — Оно очень меня интересует... Но мне пора лететь. Посмотрите на усыпанные колокольчиками и кашкой луга. Мне надо туда...

Майя вполне его понимала. Они распростились и полетели в противоположные стороны: белый мотылек — беззвучно покачиваясь, словно его уносил легкий ветерок, а пчелка — наполняя воздух беззаботным жужжанием, которое мы всегда слышим в ясные солнечные дни над цветами и о котором вспоминаем, когда думаем о лете.

БИТВА ГАННИБАЛА С ЧЕЛОВЕКОМ

Вблизи пещеры в дупле сосны, где Майя устроила себе летний домик, поселился короед Фридолин со всеми своими чадами и домочадцами. Это был честный труженик, заботившийся о благосостоянии своей семьи и добившийся, в конце концов, своей цели. Он с гордостью смотрел, как его пятьдесят талантливых сыновей неустанно копошились в коре дерева. Каждый из них рыл там свой маленький кривой канал, и все они были довольны своей работой и жизнью.

— Моя жена разместила их так, что ни один из них не пересекает путь другому, — объяснил он как-то раз пчелке. — Мои дети не знают друг друга. Они движутся по разным направлениям.

Майя была знакома с короедом уже давно. Рано утром, когда лес еще спал, а солнце не вставало, пчелка часто слышала сверлящие, тихие, как журчание ручья, звуки его работы. Казалось, будто дерево дышало во сне. Она видела также и тонкую коричневую пыль, которую он выбрасывал из прорытых им ходов.

Однажды утром Фридолин явился к Майе и осведомился — хорошо ли она провела ночь.

— Вы сегодня куда-нибудь полетите? — спросил он.

— Нет, — ответила пчелка, — слишком ветрено!

И действительно, густой бор глухо шумел, покачивая своими ветвями, и казалось, что вот-вот с них начнут падать листья. После каждого порыва ветра в лесу делалось как-то светлее, словно деревья в самом деле теряли часть своей листвы. Верхушки сосны, в которой жили Майя и Фридолин, сердито гудели.

Короед вздохнул.

— Я работал всю ночь напролет, — произнес он. — Что делать? Нелегко добиться намеченной цели. Я не совсем доволен своим жильем. Мне следовало бы поселиться в елке.

Он вытер лоб и как-то виновато улыбнулся.

Майя взглянула на короеда. Это неуклюжее бурое существо с его походившим на огромную голову щитком и короткими надкрыльями показалось ей смешным. Но она знала, что это весьма опасный жук, сильно вредящий лесам и рощам. Стоит толпе его сородичей напасть на дерево, и последнее начинает терять свои иглы, вянет и умирает. Даже могучие лесные великаны бессильны против этих крохотных разбойников, разрушающих древесную кору и заключающиеся в ней каналы, по которым питательные соки текут от корней к верхушке дерева. Пчелка слышала, что короеды истребляли таким образом целые леса. И она задумчиво рассматривала Фридолина, охваченная странным чувством при мысли о том, каким могуществом обладало это маленькое, ничтожное на вид насекомое.

Вдруг Фридолин тяжело вздохнул и озабоченно сказал:

— Да, жизнь была бы хороша, если бы на свете не было дятла.

— Вы правы! — согласилась Майя. — Это жадное создание пожирает все, что встречает на своем пути.

— О! Если бы оно довольствовалось только этим! — горестно воскликнул короед. — Полбеды, если бегающие по деревьям легкомысленные существа попадают ему на обед: в конце концов,

надо и дятлу жить. Но возмутительно то, что эта птица настигает свою добычу глубоко в коре и добирается даже до наших ходов.

— Неужели? — усомнилась пчелка. — Да как же она может это делать? Ведь, насколько я знаю, дятел — птица немалая.

Фридолин взглянул на Майю, высоко подняв брови и покачивая головою.

— Вы говорите о его росте? — произнес он. — Да разве в этом дело? Нет, моя милая, его размеры тут ни при чем, и все наше несчастье не от них, а от его языка.

Пчелка от удивления широко раскрыла глаза, и короеду пришлось ей объяснить, что у дятла совсем особенный язык: длинный, тонкий, круглый как червяк, остроконечный и липкий.

— Он может его высовывать, — сказал Фридолин Майе, — на расстояние, превышающее в десять раз мое тело... Думаешь, вот уж его кончик — ан нет! — он лезет все глубже и глубже... Дятел бесцеремонно сует свой язык в самые маленькие щели под корою. Он вечно думает: «А ну-ка посмотрим, не запрятался ли там кто-нибудь?» И он врывается в наши ходы, и все, что в них находится, прилипает к его длинному языку и исчезает вместе с ним.

— Знаете, я не трусиха, далеко не трусиха, — со страхом произнесла пчелка, — но и мне жутко стало...

— Ну вам-то с вашим жалом нечего бояться! — сказал не без зависти короед. — Дятел сто раз подумает, прежде чем пойдет на риск быть укушенным в язык. Да и вы сами это понимаете... А вот нам — что прикажете делать? Моя бедная кузина уже пострадала от этой птицы. Была она как-то у нас в гостях. Ходов наших она хорошо не знала. Разговаривая, мы с ней повздорили; она рассердилась, поднялась и ушла. Не успела она выйти за дверь, как до нас долетел стук дятла. Он, видно, начал свой обход с нашего дерева, потому что иначе мы всегда слышим его заранее и можем спрятаться. В то же время раздался отчаянный вопль моей двоюродной сестры: «Фридолин! Спаси! Я прилипаю!» Потом — еще один дикий крик, гробовое молчание, а через секунду дятел опять начал долбить кору. А моя кузина погибла. Звали ее Агатой.

— Послушайте, как стучит у меня сердце! — тихо и взволнованно прошептала Майя. — Вам бы не следовало рассказывать такие вещи! О Господи! Чего только не бывает на свете!..

И она умолкла, вспоминая обо всем, что с нею уже приключилось, и думая не без боязни о том, что ее ждет еще впереди.

Ее размышления внезапно прервал громкий смех Фридолина.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул он. — Вон он ползет! Какой молодец! Вы посмотрите только!

Майя поглядела по указанному направлению и увидела какое-то удивительное животное, карабкавшееся вверх по дереву. Она никогда не предполагала, что в мире могут быть такие существа. В первую минуту ее испуг был даже больше ее изумления, и она шепотом спросила короеда — не благоразумнее ли спрятаться?

— С чего вы это вздумали? — ответил Фридолин. — Оставайтесь спокойно на месте и вежливо с ним поздоровайтесь. Это очень образованный господин, у него глубокие и серьезные познания, а кроме того, он очень добр и скромен и, если хотите, немножко смешон... Посмотрите на его походку!

Незнакомец подошел ближе, и пчелка могла рассмотреть его подробнее. Казалось, он не шел, а скользил по воздуху, так как его маленькое круглое тело покоилось на необыкновенно длинных, тонких, как ниточки, ногах, которые двигались во все стороны, стараясь находить необходимые точки опоры. Он полз очень медленно, осторожно нащупывая путь, причем коричневый шарик его туловища то поднимался, то опускался.

Майя всплеснула руками.

— Нет! Вы подумайте только! — воскликнула она. — Я никогда не поверила бы, что такие нежные, такие тонкие, как волоски, ноги могут двигаться! Да ведь это чудо, Фридолин!

Тут незнакомец подошел к ним совсем близко и, взглянув с высоты своих ног на Майю, сказал:

— Здравствуйте, мои друзья! Какой ветер! Какой невыносимый сквозняк! Неправда ли?

Он делал неимоверные усилия, чтобы удержаться на месте.

Фридолину стоило много труда подавить смех. Но пчелка вежливо согласилась с удивительным существом и заметила, что по той же причине она осталась сегодня дома. Затем она представилась незнакомцу.

Тот на нее покосился.

— Пчела Майя, — повторил он. — Очень приятно. Я много слышал о пчелах... Со своей стороны, должен заметить, что несколько затрудняюсь, как мне представиться вам, потому что наша весьма распространенная семья известна под различными названиями. Во всяком случае, я принадлежу к породе пауков, а имя мое — Ганнибал.

Одно слово «паук» привело Майю в ужас, так как ей живо представились ее недавние мучения в сетях этого страшного животного. Но она успокоила себя тем, что сможет в любой момент от него улететь и что поймать ее он не сумеет, так как у него нет крыльев, а паутина его, вероятно, в другом месте.

Ветер тем временем немного утих. Ясное небо проглянуло

сквозь ветви деревьев. Где-то в кустах прозвучала звонкая песня реполова. Пчелка заметила его сидящим на ветке и видела, как двигалось при пении горлышко птички, как она поднимала головку к яркому солнцу.

— Ах, если бы я умела петь, как она! — вздохнула Майя.

— Вы фантазерка, — перебил ее паук. — Если бы все животные стремились делать то, чего они не умеют, весь мир перевернулся бы вверх дном. Вы подумайте только. Реполов вдруг пожелал бы иметь жало, а коза летать и собирать мед? Или же лягушка захотела бы иметь такие ноги, как у меня?

— Ну нет! Этого я совсем не желаю! — рассмеялась пчелка. — Но я хотела бы доставлять всем такую же радость, какую дает эта птичка своим пением... Но... но... что это? — с ужасом проговорила она вдруг. — У вас одна лишняя нога... У вас их семь!

Паук нахмурился.

— А! Наконец-то вы заметили, — произнес он. — Нет, у меня не лишняя нога, а напротив — одной не хватает.

— Значит, у вас должно быть восемь ног? — удивилась Майя.

— С вашего позволения, — вежливо ответил Ганнибал, — у нас, пауков, восемь ног. Они нам, во-первых, необходимы, а во-вторых, придают нам важный вид... Я потерял одну ногу. Оно, конечно, жалко, но что делать? Надо как-нибудь обходиться.

Ганнибал подпер подбородок рукою и, приведя в некоторый порядок свои нижние конечности, сказал:

— Я расскажу вам, как это случилось. Само собой понятно, что такие истории не обходятся без вмешательства человека. Мы сами очень осторожны и действуем с оглядкой, но люди — неосмотрительны и хватают все так, как будто перед ними не живые существа, а щепки. Хотите послушать, как произошло это злосчастное происшествие?

— Пожалуйста, — попросила Майя. — Мне очень интересно. Я думаю, что вы много пережили при этом?

— Верно, — ответил Ганнибал. — Ну так вот... Прежде всего я должен вам сказать, что мы принадлежим к породе ночных пауков. Я жил тогда в садовой беседке, обросшей со всех сторон зеленью. В ней было несколько разбитых оконных стекол, так что мне было удобно во всякое время вползать и выползать. Когда на землю спускалась ночь, в сад являлся человек. В одной руке он нес обыкновенно искусственное солнце, которое люди называют лампой, а в другой — бутылку и связку бумаг. В кармане у него находилась еще другая бутылка, поменьше. Он входил в беседку, ставил все принесенные с собою вещи на стол, начинал думать, а затем излагал свои мысли на бумаге. Такие клочки бумаги валя-

ются иногда и в лесу, а черные пятнышки на них — это то, что придумал человек.

— Поразительно! — воскликнула восхищенная пчелка.

— Для того чтобы делать черные пятнышки, — продолжал Ганнибал, — мой человек употреблял обе бутылки: в меньшую он беспрестанно совал деревянную палочку, а из большей пил. Я узнал впоследствии, что он писал о нас, но толку от этого мало, потому что до сих пор люди знают еще очень мало о насекомых. О нашей духовной жизни им почти ничего неизвестно, и они совершенно не обращают внимания на наши переживания.

— Вы дурного мнения о человеке? — спросила Майя.

— Нет, — ответил паук, задумчиво разглядывая свои ноги, — но когда по его вине имеешь только семь ног, нельзя не испытывать некоторого чувства горечи.

— Однажды, — продолжал Ганнибал, — я притаился в углу оконной рамы, выжидая добычу, а человек со своими двумя бутылками сидел за столом и работал. Я был недоволен, что много мошек и комаров, столь необходимых для поддержания моей жизни, летели без конца к искусственному солнцу человека и пучили на него свои глаза.

— И я была бы не прочь посмотреть на него хоть разок, — задумчиво заметила Майя.

— Посмотреть — это одно, а пучить глаза — другое. Если бы вы только видели, как глуп этот сброд! Ведь эти комары и мошки по двадцать раз ударялись головою в стекло солнца и все-таки продолжали таращить на него свои буркалы, пока не сжигали себе крылья.

— Бедняжки! — сказала с сожалением пчелка.

— Сидели бы они лучше на окнах или в кустах, — продолжал паук. — Там они были бы в полной безопасности от лампы, и мне легче было бы их ловить. В ту памятную ночь я видел из своего угла немало мошек, лежавших при последнем издыхании вокруг лампы. Заметив, что человек не обращал на них внимания, я решил овладеть ими. Ведь это вполне разумно и понятно?

— Вполне! — согласилась Майя.

— И все-таки это навлекло на меня несчастье. Тихо и осторожно пополз я по ножке стола, достиг его края и выглянул. Человек показался мне оттуда необыкновенно большим. Я незаметно просунул наверх сначала одну ногу, потом другую, третью и бесшумно приблизился к лампе. Пока я был в ее тени, все шло хорошо, но как только я оттуда вышел, человек поднял глаза и моментально схватил меня. Он взял меня за одну из лапок, поднес к своим огромным глазам и произнес: «Скажите, пожалуйста!»

Ганнибал тяжело вздохнул. Майя напряженно молчала. Наконец, прервав молчание, она робко спросила:

— Разве у человека такие большие глаза?

— Вы представьте себе только мое положение, — не отвечая на ее вопрос, взволнованно продолжал паук. — Кому приятно было бы висеть на одной ноге перед глазом, который раз в двадцать больше тебя самого? Каждый из блестевших во рту у человека зубов был вдвое больше меня... Что вы на это скажете?

— Ужасно! — содрогнулась пчелка.

— К счастью, в эту минуту моя нога оторвалась. Страшно подумать, какая меня постигла бы участь, если бы этого не случилось. Я упал и со всех оставшихся ног бросился бежать по столу. Скрывшись за бутылкой, я стал грозить оттуда человеку, и этим объясняется, почему он побоялся преследовать меня. Я видел, как он положил мою лапку на лист белой бумаги и смотрел, как она пыталась убежать, но без меня она сделать этого, конечно, не могла.

— Разве она еще двигалась? — удивилась Майя.

— Да, — объяснил Ганнибал. — Наши ноги, после того как их оторвут, всегда находятся еще некоторое время в движении... Моя лапка конвульсивно билась на одном месте, а человек, уткнувшись в нее носом, бессердечно смеялся над тем, как она пыталась честно исполнить свой долг.

— Ну знаете, без доказательства мне трудно этому поверить, — продолжала сомневаться пчелка.

— Уж не желаете ли вы, чтобы я для этого оторвал себе еще одну ногу?! — сердито воскликнул паук. — Я вижу, что с вами не стоит разговаривать! В первый раз слышу такие слова.

Майя смутилась. Почему так рассердился Ганнибал и в чем была ее вина? «Как трудно иногда ладить с другими! Они часто не понимают того, что им говорят», — подумала пчелка.

— В сущности, отчего бы мне вас не скушать? — сказал вдруг Ганнибал, принявший добродушие Майи за слабость.

Но тут с пчелкой произошла удивительная перемена. Ее грусть мгновенно исчезла, а страх уступил место спокойному мужеству. Она приняла боевую позу и с горевшими от гнева глазами, слегка приподняв свои красивые прозрачные крылышки и издав громкое жужжание, гордо воскликнула:

— Я пчела, сударь!

— Пардон, — пробормотал сразу осевший паук, повернулся и, даже не поклонившись, со всех ног бросился вниз по стволу дерева.

Майя не могла удержаться от смеха. А Ганнибал, спустившись на землю, стал браниться.

— У вас отвратительный характер! — возбужденно кричал он. — Вы злоупотребляете своим жалом против тех, кого злая судьба лишила этого оружия. Но погодите, милая, придет и ваш час, и вы попадете когда-нибудь в беду. Помните мои слова!

И он исчез в листьях мать-и-мачехи.

Но пчелка не только его не слушала, но даже не думала о нем. Она пришла в отличное настроение, потому что ветер утих и день обещал разгуляться. Высоко-высоко, в ясной синеве глубокого неба, плыли белые облака, у которых был такой спокойный, такой счастливый вид! И Майю потянуло на лесные лужайки, к залитым солнцем холмам, по ту сторону озера — туда, где, должно быть, уже давно закипела веселая жизнь. Она видела, как качались стройные стебельки травы, как желтели на лесной опушке в узких рвах высокие касатики. С чашечек этих цветов можно было разглядеть таинственный, полный мрака еловый бор, откуда веяло прохладой и печалью. Майя знала, что в его угрюмой тишине, обращающей солнечный свет в красноватое мерцание, находится никому неведомое сказочное царство.

И пчелка понеслась по воздуху, почти не сознавая, куда она летела.

— О Господи! — думала она. — Как хороша жизнь!

ЧУДЕСА НОЧИ

Так проходили для маленькой Майи дни и недели ее юной жизни. Правда, среди радостей и опасностей ее странствований тоска по подругам детства, по родине, по покинутом ею родимом улье не раз проникала в ее сердце. Но у пчелки была беспокойная натура, и едва ли она долго ужилась бы среди своих соотечественниц. Среди животных, как и среди людей, встречаются такие, которые ни за что не могут примириться с привычками большинства; к таким исключительным характерам надо относиться серьезно и осторожно, а не сразу их осуждать. Ведь почти всегда в них таятся не ленность и упрямство, а стремление к чему-то высшему и лучшему, чем окружающая их обыденщина, и такие мятущиеся создания нередко становятся впоследствии наиболее опытными, умными и добрыми среди своих ближних...

Но одиночество тяжело переносить даже среди счастливых переживаний. Чем опытнее становилась пчелка, тем сильнее чувствовала она потребность в обществе и любви. Она была теперь уже не наивной, ничего не знавшей Майей, когда-то покинувшей родной

город. Теперь это была красивая сильная пчела с крепкими крыльями, с острым жалом и с ясным пониманием опасностей и радостей жизни. Может быть, если она возвратилась бы в свой улей, бросилась бы к ногам царицы и испросила бы себе прощение, ее приняли бы на родине с честью, но ее удерживало от этого одно непреодолимое стремление: узнать человека. Она слышала о нем столько противоречивого, что не только не получила о нем точного представления, но все ее сведения еще больше спутались.

С высоты своего полета Майя часто видела людей больших и малых, одетых в черное, белое, красное и даже пестрое платье. Но она ни разу не осмелилась к ним приблизиться. Однажды на берегу ручья что-то розовое мелькнуло ей в глаза. Она подумала, что это цветок, и бросилась туда. Но вместо растения она заметила человека с белокурыми волосами и алым цветом лица, в розовом платье. Он спал среди цветов, и, несмотря на то что рост его показался пчелке гигантским, вид у него был такой милый и добрый, что от восхищения и умиления у пчелки выступили на глазах слезы. В ту минуту больше чем когда-либо ей показалось невероятным все то другое, что она слышала о людях.

Пока Майя размышляла, к ней подлетела мушка.

— Видите вы там человека? — воскликнула взволнованно пчелка, ответив на приветствие. — Как он прекрасен! Как он добр!

Мушка с изумлением взглянула на Майю, потом медленно обернулась к предмету ее восторгов и произнесла:

— Да, он недурен. Я только что укусила его и пообедала. Смотрите — все мое тело налито его красной кровью.

Пчелка даже за сердце схватилась: так испугала ее дерзость этого крохотного насекомого.

— И он умрет от этого?! — в ужасе воскликнула она. — Куда вы укусили его? Как хватило у вас духу на такой недостойный поступок? Вы — хищное животное!

Мушка рассмеялась и ответила своим писклывым звонким голоском:

— Да ведь это совсем маленький человечек! Люди такой величины, если ноги их наполовину покрыты широким цветным панцирем, называются девочками. Вы обнаруживаете поразительное невежество! Вы думаете, люди очень добры? Я не знаю ни одного среди них, кто добровольно уступил бы мне хоть каплю своей крови.

— Правда, о человеке мне известно очень мало, — тихо согласилась Майя.

— Странно, а между тем из всех насекомых вы, пчелы, стоите к нему ближе всех. Это знают все.

— Я рано покинула наше царство, — робко призналась Майя. — Мне там не нравилось и захотелось познакомиться с миром.

— А, вот что! — сказала мушка и подошла к ней поближе. — Ну как нравится вам ваша свободная жизнь? Сказать по правде, я одобряю ваше стремление к независимости. Со своей стороны, я никогда не согласилась бы служить человеку.

— Но ведь и он служит нам, — возразила пчелка, не допускавшая, чтоб кто-нибудь мог осуждать ее народ.

— Может быть, — небрежно ответила мушка. — К какому вы принадлежите роду?

— Я происхожу из племени пчел, живущих в замковом парке. Наша царица — Елена VIII.

— Так, так! — произнесла мушка, покачивая головою. — Происхождения вы важного. Кланяюсь! У вас, кажется, была недавно революция? Неправда ли? Я слышала об этом от гонцов, которых разослали по всему миру восставшие. Верно это?

— Да, — с гордостью сказала Майя.

Ей льстило, что ее народ пользуется такой широкой известностью, и сердце ее защемило от тоски по родине. Ей захотелось вдруг совершить какой-нибудь подвиг, сделать что-нибудь великое для царицы, для блага своей страны. Охваченная этой мыслью, она позабыла и о человеке. А может быть, она больше не расспрашивала мушку еще и потому, что не ожидала услышать от нее ничего хорошего. Это насекомое показалось ей нахальным и дерзким, а такие особы только и делают, что злословят.

— Пойду-ка глотну еще человеческой крови, — произнесла мушка. — А потом начну танцевать вместе с подружками в вечерних лучах солнца, чтобы завтра была хорошая погода.

Майя улетела, чтобы не видеть, как мушка будет делать зло спавшему ребенку. Она удивлялась, как это хищница при этом не погибает. Ведь Кассандра говорила ей: «Если ты укусишь человека, ты погибнешь».

Майя твердо помнила это наставление. Но ее жажда узнать людей поближе оставалась неудовлетворенной, и она решила быть смелее и не щадить усилий для достижения этой цели.

* * *

Желание Майи исполнилось самым удивительным образом, и притом в такой мере, в какой она этого совсем не ожидала.

Однажды в теплый летний вечер пчелка удалилась на покой раньше обыкновенного. Среди ночи она внезапно проснулась, чего

с нею еще ни разу не случалось. Раскрыв глаза, она не могла прийти в себя от изумления. Все ее жилище было наполнено мягким голубоватым светом, проникавшим через сиявшее, как серебряный занавес, входное отверстие.

Через несколько минут до нее донеслись снаружи нежные звуки, такие гармоничные и сладкие, каких она еще никогда не слыхала.

Тогда она решилась высунуть голову из своего убежища. Взглянула — и замерла в восторге: весь мир показался ей зачарованным. Все кругом сверкало и блестело серебром, в траве искрились тысячи светлых жемчужин, трава была точно подернута вуалью, а стволы берез и спящие листья казались разрисованными белыми узорами.

— Это ночь, — прошептала пчелка, молитвенно сложив руки. — Только ночь может быть такой чудесной...

Тонкое голубоватое сияние лилось сверху и Майя, подняв глаза, увидела высоко на небе слегка скрытый листьями бука серебряный круг луны, лучи которой так глубоко преобразили всю землю. А вокруг лунного лика горело бесчисленное множество прекрасных светочей, таких ярких, приветливых и спокойных!..

Пчелка была вне себя от счастья, что ей удалось увидеть ночь, луну и звезды и взглянуть на это дивное зрелище. Она уже слышала о нем, но не предполагала, что оно так красиво...

Вдруг совсем близко от Майи раздалось пение, которое, по-видимому, и разбудило ее. Казалось, что оно лилось на землю вместе с лунным сиянием. Пчелка оглядывалась во все стороны, стараясь найти невидимого певца, но в причудливой игре света и тени она не могла ясно рассмотреть окружающее: все было окутано какой-то сказочно прекрасной дымкой таинственности.

Майя почувствовала, что она не в силах усидеть в своем убежище.

Пчелка уже готовилась вылететь на залитый голубыми лучами луг, как вдруг заметила совсем близко от себя, на ветке бука маленькое крылатое существо, какого она до тех пор не встречала. Это странное создание, повернувшись лицом к ночному светилу, поводило ножкой по одному из своих узких крыльев, высоко подняв его кверху. Издали казалось, что оно играет на скрипке...

— Как хорошо! Какая прелесть! — прошептала Майя и быстро подлетела к музыканту.

Тихая ночь дышала теплом, и пчелка не чувствовала, что воздух был холоднее, чем днем. Она уселась рядом с незнакомцем. Тот сразу прекратил свою игру. Моментально воцарилась такая глубокая тишина, что Майе даже стало жутко.

— Доброй ночи! — вежливо произнесла она, будучи уверена, что после захода солнца надо здороваться именно так. — Простите, что я мешаю вам. Но в вашей игре столько очарования, что невольно летишь на ее звуки.

Незнакомец с изумлением уставился на пчелку.

— Что вы за насекомое? — спросил он. — Я вижу вас впервые.

— Я пчела Майя.

— Ах, вы пчела... Так, так!.. Но ведь вы, кажется, дневное животное? Я слышал о вашем племени от ежа. Он говорил мне, что пожирает по вечерам мертвецов, которых вы выбрасываете из ваших ульев.

— Да, — робко сказала Майя, — это правда. Кассандра рассказывала мне об этом. Еж приходит в сумерки подбирать наших покойников. Наши дозорные тоже говорили мне об этом. Но разве вы знакомы с ежом? Это ведь ужасное чудовище!

— Ну, этого я не нахожу! Мы, ночные кузнечики, находимся

с жуками в хороших отношениях. Правда, иногда они пытаются нас изловить, но это никогда им не удается. Мы только играем с ними и дразним их. Мы называем их дядюшками. Всякому ведь надо жить, неправда ли?

— Значит, вы кузнечик? — дружелюбно спросила Майя.

— Да, ночной кузнечик... Но, пожалуйста, не мешайте мне. Я должен продолжать свою игру. Теперь как раз полнолуние, и ночь на диво хороша...

— Будьте добры, расскажите мне что-нибудь про ночь, — попросила Майя.

— Нет на свете ничего прекраснее летней ночи, — сказал кузнечик. — Она наполняет душу блаженством. Если вы этого не почувствовали, слушая мою игру, то мои объяснения будут бесполезны... И зачем стремитесь вы все узнать? Мы, жалкие существа, можем познать лишь ничтожную частицу мира, но красоту его мы можем ощущать во всей ее полноте.

И кузнечик возобновил свой полный ликующих трелей гимн.

Ей захотелось посидеть на покрытой цветами лужайке. На берегу ручья, в его быстром течении, увлекавшем за собою лунное сияние, она заметила отражение стройных водяных лилий. Как это было красиво! Вода журчала и сверкала, а нарядные цветы спали в ней, казалось, спокойным сном. «Они заснули от избытка счастья», — подумала Майя, опустившись на один из белых лепестков и не отрывая зачарованного взора от бежавшего, как живое существо, ручья. А на берегу серебрились, словно усыпанные звездочками, березки...

«Куда течет вода? — думала пчелка. — Кузнечик прав: мы знаем о мире так мало...»

Мысли ее прервало нежное и чистое, как колокольчик, пение. В нем было что-то неземное. У Майи даже дух захватило от восторга.

Одна из лилий слегка заколебалась, и пчелка заметила вдруг маленькую и белую, как снег, человеческую ручку, державшуюся за края лепестка своими крохотными пальчиками. Вслед затем оттуда выглянула белокурая головка, а за ней показалось легкое, нежное тельце, одетое в белое платье. Из цветка вылез человечек и, протянув к луне свои тонкие ручки, смотрел со счастливой улыбкой на ясную ночь, окутавшую со всех сторон землю. Вдруг тельце крошки затрепетало, и на спине у него развернулись два светлых, как лунное сияние, крылышка, которые то поднимались над его головой, то ниспадали к его ногам. Прозрачный крохотный человечек возвел к небу руки и запел.

Каждое слово его песни отчетливо доносилось до Майи.

Небо, звезды, свет ночной —
Вот страна моя родная.
Смерть приходит, жизнь сменяя,—
Только дух бессмертен мой.

Пчелка разрыдалась. Она не могла понять, что навеяло на нее такую печаль и в то же время такую радость.

Маленький человечек повернулся к ней и участливо спросил своим ясным голоском:

— Кто тут плачет?

— Ах! Это я! — ответила, всхлипывая, Майя. — Простите, что я помешала вам...

— Почему же ты плачешь?

— Не знаю, — ответила пчелка. — Может быть, потому, что вы так прекрасны. Кто вы? Скажите мне, кто вы? Вы, наверное, ангел?

— О нет! — серьезно возразил ей крошка. — Я эльф, живущий среди цветов... Но прошу тебя: говори мне «ты». Что ты тут делаешь так поздно ночью, маленькая пчелка?

Когда она умолкла, эльф погладил ее по голове и посмотрел на нее с такою ласкою и любовью, что она от счастья чуть не лишилась чувств.

— Мы, эльфы, — начал он, — живем лишь семь ночей и должны оставаться в том цветке, где родились. Если мы его покидаем, то умираем на утренней заре.

— О, лети скорее, лети скорее назад к твоему цветку! — испуганно воскликнула Майя.

Эльф печально покачал головою.

— Поздно! — произнес он. — Но слушай дальше. Большинство из нас покидает свой родной цветок, потому что с этим для нас связано большое счастье. Всякий такой эльф, хотя он и умирает ранней смертью, переживает чудную ночь. В его власти исполнить заветное желание всякого существа, которое он встретит первым в эту ночь на своем пути. И когда он серьезно решает покинуть свой цветок, чтобы кого-нибудь осчастливить, у него мгновенно вырастают крылья.

— Неужели, — спросила Майя, — ты должен сегодня умереть?

Эльф кивнул головою, но скорее радостно, чем печально.

— Прежде чем умереть, мы еще увидим утреннюю зарю, — сказал он. — Но когда роса начинает спадать, нас всасывает в себя та нежная пелена, что ложится на луга и поля. Разве ты не замечала, что она совсем белая и словно мерцает бесчисленными огоньками? Это сияние производим мы, эльфы. Это — наши крылья и платье. Вместе с восходом солнца мы превращаемся в капельки

сы. Растения нас пьют, и таким образом мы участвуем в их росте до тех пор, пока снова не воскресаем в цветах.

— Значит, ты уже был когда-то эльфом? — спросила пчелка.

— Да, — ответил он. — Но я этого не помню, потому что во время нашего сна под сенью лепестков мы забываем все, что переживали раньше.

— О, как я завидую твоей судьбе! — воскликнула Майя.

— Если правильно рассуждать, — сказал эльф, — то это удел всех земных существ, хотя не все они и не всегда пробуждаются к жизни в цветах... Но не будем говорить об этом сегодня...

— О, как я счастлива, — тихо произнесла пчелка.

— Неужели у тебя нет никакого желания? — спросил эльф. — Ведь я могу его исполнить, ибо ты — первое существо, которое я встретил.

— Я?! — воскликнула пораженная Майя. — Но ведь я ничтожная маленькая пчелка... Нет! Это слишком! Я ничем не заслужила такую великую радость...

— Никто не может заслужить доброе и прекрасное, — возразил эльф. — И то и другое приходит к нам как солнечный свет.

— Я хотела бы увидеть людей, узнать их и убедиться, что они действительно прекрасны, — быстро произнесла Майя и сама испугалась. Ей показалось, что эльф откажет ей, что такое великое желание исполнить невозможно.

Но эльф поднялся, взял спокойно и серьезно за руку дрожавшую от волнения пчелку и сказал:

— Полетим вместе. Твое желание будет исполнено.

ПОЛЕТ

В тишине летней ночи эльф и Майя понеслись над цветущими лугами. Когда они летели над зеркальной поверхностью ручья, отражение эльфа казалось бежавшей по воде звездочкой.

Когда они очутились в аллее стройных тополей, им попался навстречу большой, темного цвета мотылек. Эльф крикнул ему:

— Постой, пожалуйста!

Майя удивилась, как охотно повиновалось насекомое этому призыву. Они опустились втроем на сук высокого дерева. Мотылек уселся как раз против пчелки. Он медленно подымал и мягко опускал свои распростертые крылья, похожие на два опахала. Пчелка заметила, что на них были широкие светло-голубые полосы. Голова

у него была точно из черного бархата, а на его лице, напоминавшем таинственную маску, сверкала пара темных глаз...

«Как странно выглядят живые существа ночью!» — подумала Майя. Ее слегка знобило, и ей казалось, что она спит и видит странный сон.

Эльф осведомился у мотылька, отправилась ли уже на покой летучая мышь.

— Да! — ответил тот. — Уже давно. Ты спрашиваешь об этом, чтобы не опоздать с исполнением ее желания? — спросил он, показывая на Майю.

Эльф кивнул головою. Пчелке очень хотелось узнать, что такое летучая мышь, но ее спутник, по-видимому, очень торопился.

— Ночь коротка, — сказал он, беспокойно откидывая свои блестящие волосы. — Полетим, Майя, нам надо спешить

Мотылек остался на месте и долго следил глазами, как блестящее платье эльфа становилось все меньше и меньше и наконец исчезло в голубой дали. Тогда медленно повернув назад голову, он начал рассматривать свои темные с голубыми полосками крылья.

Тем временем Майя с эльфом летели над густым садом. Опьяняющее благоухание прохладной росы и дремавших цветов чаровали их чувства, говоря им о великих и благотворных чудесах природы. Лиловые гроздья акаций дышали свежестью, а розовый куст казался миниатюрным блестящим небом, усеянным красными звездочками. Белые лепестки жасмина лили вокруг себя божественный аромат, отдавая в этот час все, что они могли.

В волнении пчелка пожала руку эльфа, глаза которого сверкнули небесным огнем.

— Я никогда не представляла себе ничего подобного, — прошептала она.

Но в то же мгновенье летевшая вниз звезда наполнила ее сердце печалью.

— О, смотри! — воскликнула она. — Она упала! Теперь несчастная будет вечно блуждать и не найдет своего места.

— Нет, — серьезно ответил ей эльф, — это не звезда, а светлячок.

Только в эту минуту Майя заметила, почему ей было так легко и приятно с ее спутником: он не смеялся над ее невежеством, охотно поправлял ее ошибки и объяснял ей все непонятное.

— Эти светляки — удивительные создания, — продолжал он. — Они бродят ночью со своим собственным светом, оживляя им все темные уголки под кустами, куда сияние луны не может проникнуть. Таким образом они легко находят друг друга.

В это мгновенье они приблизились к заросшей жасмином и

жимолостью беседке, откуда доносился тихий шепот. Они опустились на землю, и эльф кивнул ближайшему светлячку.

— Будь так добр, — попросил он, — посвети нам немного. Нам надо пробраться через темную гущу листьев, чтобы попасть внутрь беседки.

— Но ведь твое сияние ярче моего, – заметил светлячок.

— Я должен завернуться в листок, – объяснил эльф, — так как в противном случае люди меня увидят и испугаются. Мы можем являться человеку только во сне.

Крохотный человечек тщательно завернулся в зеленый листок, совершенно скрыв под ним свое белое платье; затем он сорвал в траве маленький голубой колокольчик и как шлемом накрыл им свою белокурую головку, оставив открытым только свое бледное личико, которое было, однако, таким маленьким, что навряд ли кто-нибудь мог бы его заметить. Он предложил светлячку сесть к нему на плечо и, заслонив слегка крылом свет, чтобы он не слепил ему глаза, взял Майю за руку и сказал:

— А теперь — в путь! Попробуем-ка пробраться вот тут.

Пчелка, не перестававшая думать о том, что сказал эльф, спросила его:

— Люди видят сны, когда они спят?

— Не только когда спят, — ответил он. – Иногда это бывает с ними и наяву. В таких случаях они обычно сидят, низко опустив голову, и задумчиво глядят вдаль, словно желая проникнуть своим взором по ту сторону неба. Человеческие сны всегда прекраснее жизни, и потому-то мы являемся людям только тогда, когда они спят...

Вдруг он быстро приложил пальчик к губам и умолк. Отодвинув затем цветущую ветку жасмина и подтолкнув слегка пчелку вперед, он прошептал:

— Смотри... Вот те, кого ты искала

И Майя увидела в тени двух людей, сидевших на скамье, — молодую девушку и юношу. Она склонила голову к нему на плечо, а он держал ее рукою за талию, как бы защищая от невидимой опасности. Они молчали, устремив глаза в ночной полумрак. Оба, казалось, спали. Все вокруг было тихо. Лишь вдали раздавалось стрекотание кузнечиков, да лунный свет трепетно скользил по листьям деревьев.

Маленькая пчелка любовалась лицом девушки. Несмотря на бледность и лежавшую на нем дымку печали, оно сияло счастьем. Ее белокурые, как у эльфа, волосы блестели в сиянии луны. Полуоткрытый розовый ротик дышал нежной грустью и блаженством Видно было, что всю себя, всю свою жизнь она была готова отдать

…девшему рядом с нею юноше… Вдруг она повернула к нему свое лицо, притянула к себе его голову и что-то ему шепнула. Он радостно усмехнулся, и Майя с трудом поверила, что земное существо могло иметь такую божественную улыбку. Его взор засверкал силою, словно ему принадлежал весь огромный мир, словно для него не существовало ни горя, ни страдания.

— Теперь я видела самое хорошее на земле, — прошептала Майя прорывавшимся от волнения голосом. — Я знаю, что люди бывают прекраснее всего тогда, когда любят друг друга.

Майя не помнила, сколько времени просидела она в таком положении, погрузившись в созерцание. Когда она очнулась, огонек светлячка уже погас, а эльф исчез.

Вдали через вход в беседку она заметила на горизонте узкую светлую полосу. Занималась заря.

ПОЭТ АЛОИЗИЙ СЕМИТОЧЕЧНЫЙ

Солнце стояло уже высоко над верхушками буков, когда на другое утро Майя проснулась. Сперва она подумала, что все пережитое ею прошлой ночью было лишь красивым сном, но затем она припомнила, что возвратилась в свое жилище на рассвете, а теперь был уже полдень. «Нет, все это было наяву, — подумала она. — Я провела ночь с эльфом и видела в жасминной беседке в лунном сиянии нежно обнимавшихся людей».

Солнце жгло своими лучами листья деревьев; дул теплый ветерок; со всех сторон неслось шумное жужжание. Никто из них не знал того, что знала теперь Майя. Она гордилась своим ночным приключением. Ей не хотелось выходить из своего убежища. «Всякий по одному моему виду поймет, — думала она, — что со мною произошло».

Но скоро пчелка убедилась, что жизнь идет своим чередом и ни с чем не считается. Ничто не изменилось в мире, ничто не напоминало о минувшей голубой ночи. На лугу среди пестрых летних цветов и в лесу царило большое движение: насекомые летали, порхали, суетились и, раскланиваясь друг с другом, уносились на крыльях или бежали дальше.

Пчелке сделалось вдруг грустно. Никто, никогда во всем свете не интересуется ни ее счастьем, ни ее горестями. А она сама не решалась с кем-нибудь ими поделиться.

«Полечу-ка я лучше в лес, — решила она. — Там все так

торжественно и серьезно... Он больше подходит для моего настроения».

Ни один человек не подозревает, когда он быстро идет по лесным дорожкам, сколько вокруг него чудесного и неведомого. Тот, кто хочет проникнуть в тайны зеленых дубрав, должен раздвинуть ветви кустарников, проникнуть глазом в чащу ежевики, должен всмотреться в густой мох. Под тенистыми деревьями в земляных норках, в дуплах полусгнивших стволов и в змеевидных, выступающих над поверхностью земли корнях — повсюду день и ночь кипит пестрая, многообразная жизнь, полная радостей и опасностей, борьбы и страданий, горя и наслаждения.

Майя ничего этого не знала, когда углубилась в темно-бурый лес. Взглянув вниз, она заметила под собою в траве узкую тропинку и направила по ней свой полет. Иногда ей казалось, что солнце вдруг скрылось за облаками: так темно было под могучими высокими буками. Иногда пред нею расстилалась залитая светом зелень, и она видела под собою непроходимые дебри широколиственных папоротников и цветущих кустов ежевики.

Но вот лес кончился, и перед пчелкой заколыхалось золотистое ржаное море, среди которого пестрели тут и там васильки и яркие чашечки мака.

Майя опустилась на ветку березы, стоявшей на краю поля, и залюбовалась расстилавшимся перед ней необозримым океаном колосьев. Его мягкие волны тихо бежали одна за другой под нежным дуновением летнего ветерка, не желавшего нарушать покой прекрасного мира.

Несколько маленьких коричневых бабочек затеяли над полем игру «от мака к маку». Это — любимая забава этих насекомых. Для этого каждое из них садится на цветок, которых должно быть на один меньше, чем участников. Одна бабочка вылетает на середину круга и кричит: «От мака к маку!» И в тот же момент все сидящие на цветах участницы игры должны подняться на воздух и поменяться местами. Кто вовремя не поспеет сесть на цветок, остается в кругу. Игра бабочек была очень забавной, и Майя с удовольствием следила за нею.

«Можно будет завести ее и в нашем улье, — подумала пчелка. — Но мы будем кричать: «От ячейки к ячейке!» Боюсь только, что строгая Кассандра не разрешит».

Каждый раз, когда Майя вспоминала о родине, ей делалось грустно, и она впадала в глубокую задумчивость.

— Здравствуйте! — раздался вдруг возле нее чей-то голос.

— Вы, как мне кажется, прехитрая штучка!

Пчелка вздрогнула от неожиданности.

— О нет! Неправда! — крикнула она в ответ и оглянулась вокруг.

Возле нее сидело маленькое светло-бурое существо, имевшее вид полушарика с семью черными пятнышками на его поверхности. Из-под его блестящего щитка высовывалась крохотная головка с двумя ярко блестевшими глазами и тонкие, как ниточки, ножки. Несмотря на свою странную наружность, это насекомое, так неожиданно заговорившее с Майей, ей очень понравилось, потому что в нем было что-то приятное.

— Кто вы такой? — спросила она и прибавила: — Я пчела Майя.

— Почему вы меня обижаете? — ответил вопросом толстяк. — На каком основании? Неужели вы меня не знаете?

— Откуда у вас такая мысль? — поспешила успокоить его пчелка. — Я действительно вас не знаю.

— Но меня всякий знает! — возразил полушарик. — Ну хорошо: я помогу вам. Считайте!

И он медленно повернулся к ней спиной.

— Что считать? — спросила Майя. — Точки на вашей спине?

— Ну да!

— Семь, — сказала пчелка.

— Ну? Значит?.. Вы все еще не знаете? Ну хорошо: я помогу вам. Моя фамилия — Семиточечный, мое имя — Алоизий, а по роду занятий — я поэт. Люди называют меня еще божьей коровкой. Но это их дело... Этот-то факт, я надеюсь, вам известен?

Чтобы не обидеть его, Майя не решилась ответить отрицательно.

— Да! — воскликнул Алоизий. — Я живу лишь солнечным светом, дневным покоем и людской любовью.

— Неужели вы ничего больше не кушаете? — удивилась пчелка.

— Конечно: травяных вшей. А вы их едите?

— Нет, — ответила Майя. — Они такие...

— Какие? Что вы хотите сказать?

— Это у нас не принято, — робко поправилась пчелка.

— Еще бы! — воскликнул Алоизий. Он хотел было пожать плечами, но его твердый щиток не дал ему возможности это сделать. — Еще бы! Вы — мещанка и делаете только то, что принято. Мы, поэты, с этим не считаемся... Есть у вас время? — спросил он вдруг.

— Конечно, есть, — ответила Майя.

— Тогда я прочту вам мое стихотворение. Только сидите смирно и закройте глаза, чтобы окружающие предметы вас не отвлекали. Мое произведение называется: «Палец человека». Оно описывает мои личные переживания... Вы слушаете?

— Да, —кивнула головой пчелка. — Я слушаю каждое ваше слово.

— Итак, — начал Алоизий: — «Палец человека».

День был солнечный и ясный, —
Ты нашел меня в куртинке.
Весь ты кругленький и красный,
Наверху блестит пластинка
С гладкой ровной серединкой.
Ею всюду двигать можно, —
Сам внизу сидишь надежно.

— Каково? — спросил поэт после короткой паузы. В глазах у него стояли слезы, а голос дрожал.

— Ваш «Палец человека» произвел на меня глубокое впечатление, — сказала Майя, несмотря на то что она знала лучшие стихи.

— А как вы находите форму? — осведомился Алоизий с грустной улыбкой. Он был, по-видимому, сильно тронут похвалой пчёлки.

— Круглой и немного продолговатой

— Я говорю о художественной форме моего стихотворения! — перебил ее Алоизий.

—О! — поспешила поправиться ничего не понявшая Майя. — Она превосходна.

— Неправда ли? — воскликнул толстяк. — Вы хотите сказать, что мое произведение превосходит все, что вы до сих пор слышали, и что вообще такую вещь услышать нелегко? В искусстве всегда должно быть что-нибудь новое. А поэты часто забывают об этом... А как вам нравится размер?

— О! — пробормотала пчелка. — Мне кажется...

— Ваше признание моего таланта смущает меня, — произнес Алоизий. — Благодарю вас. Но мне необходимо удалиться, ибо уединение — отрада всякого истинного художника... Прощайте!

Пчелка перевела свой взор на ржаное поле, где бабочки продолжали свою игру, и оно понравилось ей гораздо больше стихов Алоизия Семиточечного.

ВО ВЛАСТИ РАЗБОЙНИКОВ

Ах, как весело, как радостно начался этот день и как печально он кончился!

После полудня Майя свела очень интересное знакомство. Она села отдохнуть на душистом кусте бузины, цветы которого отражались в большой старой бочке с водой. Над нею распевал реполов, и песнь его была так приятна, так хороша, что пчелка от души пожалела о невозможности для ее племени поддерживать дружбу с птицами. Слишком уж они велики, да и норовят тотчас тебя скушать... Во избежание такой неприятности Майя спряталась в белом зонтике бузинного цветка и внимательно слушала, когда возле нее неожиданно раздался чей-то вздох. Она обернулась и заметила удивительное животное. В первую минуту ей показалось, что у него по крайней мере по семи ног с каждой стороны его узкого и плоского туловища. Это странное существо было раза в три длиннее пчелки и не имело крыльев.

— Господи Боже мой! — воскликнула Майя. — Воображаю, как быстро вы бегаете!

— Ну, — задумчиво произнес незнакомец, бросив на себя мимолетный взгляд, — я бы этого не сказал. Слишком уж много у меня конечностей. Пока переставишь все их одну за другой, проходит немало времени... Кто вы такая? — спросил он.

Майя назвала себя.

Незнакомец поклонился и шаркнул десятком своих нижних конечностей.

— Я Иероним по прозванию многоножка, — представился он в свою очередь. — Наш род — очень старинный, и мы повсюду вызываем удивление. Нет ни одного животного в мире, которое имело бы столько ног, как у нас. Насколько мне известно, больше восьми ни у кого не бывает.

— Да, вы очень интересны, — сказала пчелка. — К тому же у вас своеобразный цвет. Есть у вас родные?

— Никаких. Да и зачем они? Как только мы вылезаем из яйца — баста! С этой минуты всякие семейные связи у нас прекращаются. Кому, как не нашему брату, уметь вставать на свои собственные ноги?

— Правда! — задумчиво произнесла Майя. — Но неужели у вас нет никакого занятия?

— Нет, моя милая! Я ем и сомневаюсь...

— Вы сомневаетесь? — удивилась пчелка. — В чем?

— Во всем... Это у меня от рождения, — ответил Иероним. — Я не могу не сомневаться.

Майя смотрела на него, широко раскрыв от удивления глаза. Она не понимала его, но не хотела надоедать ему дальнейшими расспросами.

— Я сомневаюсь, например, — продолжал ее собеседник, — чтобы тут было подходящее место для вашего отдыха. Знаете ли вы, что находится вон там, на высокой иве?

— Нет.

— Вот видите, я сразу усомнился в том, чтобы вы об этом знали. Там — шершневое гнездо.

Пчелка чуть не свалилась наземь от испуга. Она побледнела и дрожащим голосом попросила указать ей точно — где это.

— Видите ли вы старую скворечницу почти на самой верхушке дерева? Когда ее построили, я сразу усомнился, чтобы скворцы согласились в ней поселиться. Если входная дверь такого домика не обращена на восток, то всякая благоразумная птица крепко задумается, стоит ли в нем жить. Словом, он остался пустым, и вот шершни взяли да и превратили его в свой замок. Теперь — это величайшая во всем нашем округе шершневая крепость. Вам не мешает это знать, потому что, насколько мне известно, эти насекомые охотятся на пчел.

«Надо как можно скорее прочь отсюда», — заторопилась Майя.

Но в то же мгновенье позади нее раздался громкий злой смех, и пчелка почувствовала, что кто-то с силой схватил ее за шиворот, чуть не свернув ей шею. Этот дьявольский хохот остался у нее в памяти на всю жизнь. Грубый и язвительный, он страшно прозвучал в ее ушах под аккомпанемент дребезжавшего панциря шершня.

Иероним, пустив в ход все свои бесчисленные ноги, обратился в бегство и спрятался в бочке с водой.

— Сомневаюсь, чтобы это кончилось добром! — воскликнул он удирая.

Но Майя уже не слышала его.

Сперва она не могла даже повернуть голову, которую кто-то держал как в железных тисках. Она видела только покрытую золотою бронею руку, и лишь через минуту над нею показалась огромная голова, вооруженная грозными челюстями. Пчелка подумала сначала, что то была просто большая оса, но скоро поняла, что находится в когтях у шершня. Это ужасное чудовище, покрытое черными и желтыми полосками, было раза в четыре больше Майи.

— Пустите меня! — вопила Майя. — Пустите... или я проколю вам сердце!

— Ну? Самое сердце?! — захохотал разбойник. — Ишь ты, какая храбрая! Для этого, малютка, тебе придется малость подождать.

Пчелка пришла в ярость. Собрав все свои силы, она обернулась, насколько это было возможно, и с громким боевым кличем направила жало в грудь шершня. Но тут случилась ужасная вещь: жало, наткнувшись на непроницаемый панцирь разбойника, только согнулось, не причинив ему ни малейшего вреда.

Глаза шершня сверкнули гневом.

— Я мог бы сразу откусить тебе голову за такую дерзость, — сердито сказал он, — и я сделал бы это, если бы наша царица не предпочитала живых пчел мертвым. Такой лакомый кусочек, как ты, всякий добрый солдат обязан преподнести своей государыне в наилучшем виде.

С этими словами, еще крепче зажав Майю в своих когтях, шершень полетел с нею к разбойничьему замку.

* * *

Было уже темно, когда Майя пришла в себя. Она вздрогнула от холода, почувствовав, что воздух вокруг нее был напоен каким-то резким, удушливым запахом. Пчелка припомнила все, что с нею случилось. Ее охватила безысходная тоска. Она хотела плакать, но не могла.

Через стены темницы до Майи доносились голоса. Она заметила, что сквозь щелку к ней проникала снаружи узкая полоска света. Шершни строят свои жилища не из воска, как пчелы, а из сухой массы, похожей на мятую серую бумагу. Когда глаза пленницы немного привыкли к царившему вокруг нее полумраку, она получила возможность осмотреться в своем заключении. Она взглянула направо, налево — и кровь застыла у нее в жилах: пол вокруг нее был устлан трупами. Как раз у ног Майи лежала на спине маленькая бронзовка, а в стороне от нее она узнала смертные останки большой жужелицы. В разных местах валялись крылья и роговые покровы убитых пчел.

Она не смела ни кричать, ни шевелиться. Дрожа от ужаса, она прижалась к уголку своей тюрьмы.

Вдруг до Майи снова долетел шум голосов. Подгоняемая страхом, она подползла к скважине в стене и припала к ней.

Перед ней был огромный зал, битком набитый шершнями. Вместо ламп его освещали пленные светляки. Посреди зала на высоком троне сидела царица. Шершни совещались, по-видимому, о каком-то важном деле. Пчела стала прислушиваться.

По залу ходил страж и понукал светляков, чтобы они усерднее светили. Он подталкивал их длинным шестом, делая это грозно, но тихо, чтобы не мешать совещанию.

Вдруг Майя услышала речь царицы:

— Итак, все будет сделано, как мы условились, — сказала она. — Завтра за час до восхода солнца соберется войско и произведет нападение на пчелиный город, находящийся в замковом парке. Оно должно разграбить улей и привести как можно больше пленных. Тот, кто захватит царицу пчел Елену VIII и доставит ее ко мне живою, будет провозглашен рыцарем. Будьте храбры и добудьте мне много хороших пчел...

С этими словами царица поднялась с трона и в сопровождении свиты покинула зал.

Майя с трудом сдерживала рыдания.

— Мой народ! — ломала она в отчаянии руки. — Страна моя родная! — Она закрыла рот руками, чтобы не слыхали ее стонов. — О! Лучше бы мне умереть раньше, чем я это узнала!.. Никто, никто не может их предупредить!.. На них нападут во время сна, их убьют!.. О Господи, соверши чудо! Помоги мне, помоги моему народу в этой страшной беде!..

В зале между тем погасли огоньки светляков, которых тотчас же после совещания съели. Крепость погрузилась в сон. Никто, по-видимому, не думал о пчелке.

В тюрьму проникал по-прежнему слабый полусвет. Издали доносились ночные песни стрекоз. Никогда и нигде не испытывала Майя такого ужаса, как теперь, в этой крепостной темнице, густо усеянной трупами.

БЕГСТВО

Через некоторое время к Майе вернулось свойственное ей присутствие духа. Казалось, она вдруг вспомнила, что она — пчела.

«Сижу я тут, плачу и терзаюсь горем, — подумала она, — словно у меня нет ни сил, ни рассудка. Таким поведением я делаю мало чести и нашей царице, и моему народу, которому грозит опасность. Если уж приходится умирать, то надо по крайней мере погибнуть смело и отважно. Надо испробовать все, что только возможно, для спасения своих близких.

Если мой народ должен погибнуть, то и я хочу умереть, но сначала я испробую все средства для его спасения», — подумала Майя и невольно крикнула:

— Да здравствует царица!

— Эй, ты там, потише! — осадил ее снаружи грубый голос.

Пчелка страшно перепугалась. «Это, верно, часовой делает обход, — пронеслось у нее в голове.»

Когда шаги снаружи затихли, Майя начала энергично расширять щель в стене. Ей удалось прогрызть хрупкую перегородку, хотя она потратила на это много времени. Вскоре образовалась довольно широкая дыра, сквозь которую она и пролезла. Очень осторожно, с сильно бившимся сердцем она поползла вперед. Если ее побег заметят, она заплатит за это жизнью. В этом она была уверена.

Зал, куда выбралась пчелка, был слабо освещен проникавшим через входное отверстие голубоватым сиянием. Майя уже знала, что это был лунный свет. Она пошла на него, держась теневой стороны; через несколько минут она вступила в узкий и высокий коридор, в конце которого было светло. Неужели она будет свободна?

Тихо, шаг за шагом пробиралась вперед Майя. Выход все ближе и ближе. Еще немного — и она очутится снаружи, взмахнув крылышками... Сердце ее безумно колотилось в груди...

Вдруг в тени колонны, находившейся у самого выхода, она заметила часового.

Пчелка остановилась как вкопанная. Погибли все ее надежды! Миновать незаметно стража не было никакой возможности. Что делать? «Лучше всего вернуться назад в свою темницу», — подумала Майя, но несколько необычный вид стоявшего у ворот великана привлек ее внимание. Казалось, он был погружен в глубокую задумчивость, подперев рукою подбородок и низко склонив голову. «Он выглядит таким печальным, — подумала она. — И какое у него благородное лицо! Как сверкает его вооружение! Он не расстается с ним ни днем, ни ночью и во всякий момент он готов грабить, сражаться и умереть...»

Вдруг на шлеме часового сверкнула полоса света. Он, по-видимому, повернул голову.

— Господи! — прошептала пчелка. — Настал мой последний час!..

Но, к великому ее изумлению, разбойник спокойно произнес:

— Подойди поближе, малютка!

— Что? Что вы говорите? — пробормотала Майя. — Разве вы меня видели?

— Да, дитя мое, и уже давно. Ты прогрызла дыру в стене и кралась по теневой стороне зала. Потом ты заметила меня, и все твое мужество пропало. Верно?

Она вся дрожала от ужаса... Значит, все это время часовой сле-

... за нею... Она вспомнила рассказы об остроте чувств этих умных разбойников.

— Что тебе здесь надо? — добродушно спросил ее шершень.

— Я хочу выйти отсюда, — сказала она. — Мужества я не потеряла, но просто испугалась, когда увидела вас, такого сильного и такого красивого в своем прекрасном золотом вооружении. Теперь, если хотите, я готова с вами сразиться.

Часовой с изумлением слегка наклонился вперед, посмотрел на пчелку и усмехнулся. Но улыбка его не была злой и произвела на Майю сильное впечатление.

— Нет, малютка! — ласково произнес он. — Сражаться с тобой я не буду. Вы — могучее племя, но мы сильнее вас. Если хочешь, оставайся тут, поболтаем. Но недолго, потому что скоро я должен буду разбудить солдат, и тогда тебе придется вернуться в свою каморку.

Майя чувствовала странным образом, что дружелюбный тон шершня обезоруживал ее гораздо больше, чем то могли бы сделать его гнев и крики. Она смотрела на своего врага большими затуманенными грустью глазами и, наконец, сказала:

— Я всегда слышала о шершнях одно только дурное. Но вы не злой. Я не могу поверить, чтобы у вас не было сердца.

— Везде в мире есть добрые и злые, — спокойно ответил часовой. — Но не забывай, что мы — ваши враги. Так было и так будет всегда.

— А разве враг должен быть непременно злым? — спросила пчелка. — Давеча, когда вы стояли, задумавшись, у ворот, я совсем позабыла, что вы сильны и что вы мой недруг. Мне казалось, что вы чем-то огорчены, а я убеждена, что всякий, кто испытывает печаль, не может быть злым.

Шершень молчал. Майя уже немного храбрее продолжала:

— Вы могущественны. Если вы захотите, вы можете стащить меня обратно в тюрьму, и я умру. Но если вы пожелаете, вы можете подарить мне свободу...

Часовой неожиданно выпрямился. Его панцирь затрещал, а поднятая им рука осветилась уже побледневшим лунным светом. «Неужели близок день?» — подумала пленница.

— Ты права, — ответил шершень. — Такою властью я обладаю. Но я получил ее от моего народа и от моей царицы. Наш закон гласит: ни одна пчела не может живою выйти за пределы нашей крепости, раз она в нее вступила. Я буду верен своему долгу.

После минутного молчания он добавил:

— На собственном опыте, когда Шнука меня покинула, я испытал, какую боль причиняет измена.

Майя была потрясена и не могла ничего ответить. Она поняла, что сможет победить только силою или хитростью. Каждый исполняет свой долг... «Но чье имя произнес часовой? — подумала она. — Ведь я знаю Шнуку: это — прекрасная стрекоза, живущая на водяных лилиях на берегу озера... Может быть, здесь кроется мое спасение...»

— Я знаю Шнуку, — уже более смело сказала Майя. — Это — стрекоза, и самая красивая из всех, которых я знаю.

Пчелка была поражена происшедшей с часовым переменой. Он, казалось, забыл все окружающее.

— Как! — воскликнул он. — Ты знаешь Шнуку? Скажи скорее, где она!

— Нет, не скажу, — твердо произнесла Майя.

— Если ты не скажешь, я откушу тебе голову! — пригрозил шершень, приближаясь к ней.

— Ее мне все равно откусят... Пожалуйста, приступите к делу. Но я не предам милую стрекозу, с которой нахожусь в тесной дружбе. Вы, кажется, хотите взять ее в плен?

Часовой тяжело дышал. Майя видела, как он побледнел.

— Боже! — прошептал он. — Пора уже будить воинов... Нет, нет, малютка, я не желаю зла Шнуке. Я люблю ее больше жизни. Скажи мне, где я найду ее?

— Я тоже люблю свою жизнь, — уклончиво ответила пчелка.

— Если ты мне укажешь, где Шнука, — медленно, с дрожью в голосе произнес шершень, — я подарю тебе свободу.

У Майи дух захватило. Ей трудно было говорить. Но каждая минута была дорога, если она хотела спасти свой народ. Сердце ее радостно билось. Она наклонилась к уху шершня.

— Хорошо, я верю вам... Вы знаете старые липы у замка? За ними тянутся покрытые цветами луга, а еще дальше лежит большое озеро. В южном углу его, куда вливается ручей, торчат из воды водяные лилии. Там в тростнике живет Шнука.

Часовой прижал обе руки ко лбу. Казалось, он переживал тяжелую борьбу.

— Ты сказала правду, — тихо произнес он. — Она действительно говорила мне, что стремится к белым водяным цветам. Это, верно, те самые и есть... Ну лети! Спасибо тебе! — С этими словами он отступил от выхода. — Разбойник никогда не нарушает своего слова, — прибавил он.

Он не знал о том, что Майя слышала в эту ночь, и думал: одной пчелкой больше или меньше... какое это имеет значение?

— Прощайте! — воскликнула Майя, даже не поблагодарив его. Надо было спешить изо всех сил. На дворе уж занималась заря.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Майя напрягала все свои силы, всю свою волю. Как выпущенная из ружья пуля, — пчелы умеют летать быстрее многих насекомых, — мчалась она по голубоватому утреннему воздуху прямо к лесу. Только там она сможет скрыться, только там она будет в безопасности, если шершень вдруг передумает и захочет ее преследовать.

Тяжелые капли росы падали с деревьев на поблекшие листья, уже устилавшие землю. От холода у Майи одеревенели крылья. Все кругом было покрыто дымкой тумана, на всем лежала темная, тяжелая тишина, словно солнце вдруг покинуло мир, а все живые существа уснули мертвым сном. Чтобы лучше видеть, пчелка взвилась очень высоко, насколько это было для нее возможно. Она думала лишь об одном: добраться как можно скорее до родного улья. Она должна предупредить своих, чтобы они успели приготовиться к задуманному грозными разбойниками нападению. О! Пчелы — могучее племя и в состоянии выдержать борьбу даже с более сильным, чем они, противником, если только они могут вовремя вооружиться!

Но ей было нелегко отыскать путь к своему улью. Она не привыкла замечать дорогу, как это постоянно делают пчелы, отправляющиеся за медом.

Майе казалось, что она никогда еще не забиралась так высоко. Ей было холодно. Она едва различала внизу отдельные предметы, над которыми пролетала.

«Меня направляет, по-видимому, тоска по родине», — размышляла Майя и все летела вперед, отдавшись на волю подгонявшего ее инстинкта.

Вдруг она испустила громкий крик радости. Вдали в утреннем сумраке показались, словно огромные серые купола, верхушки больших лип замкового парка. Ну, теперь-то она найдет дорогу! И пчелка опустилась почти до самой земли и влетела в покрывавший луга светлый туман.

Вон там, у длинной каменной стены, уже видна стройная елка, защищающая их улей от западного ветра. Вот летки[1] — красные, голубые и зеленые ворота родного города... Сердце Майи безумно колотилось, но она подавила свое волнение и быстро подлетела к главному входу в улей.

Когда пчелка опустилась на дощечку летка, ей преградили до-

[1] Отверстия в улье для входа и выхода пчел. (Прим. ред.).

[illegible] стража. Майя тяжело дышала и сначала не могла произнести ни слова. Часовые грубо оттолкнули ее, ибо, как известно, пчелам под страхом смертной казни запрещен вход в чужой город без разрешения его царицы.

— Назад! — грубо крикнул один из сторожей. — Ишь ты, что вздумала! Если ты сию же секунду не уберешься прочь, мы с тобой не поцеремонимся!

В эту минуту Майя вспомнила пароль, благодаря которому пчелы узнают своих. Часовые сразу от нее отступили.

— Вот как! — воскликнули они. — Да ты из наших! Но почему же мы тебя не знаем?

— Пустите меня к царице! — крикнула пчелка. — Сейчас же! Немедленно! Нам грозит страшная опасность!

Но стражи колебались.

— Нельзя будить ее величество, — произнес один из них.

— Безумцы! — закричала Майя таким страстным и громким голосом, каким никогда еще не кричала ни одна пчела в мире. — Безумцы! Малейшее промедление — и царица не проснется больше... Смерть несется по моим следам. Пустите меня, пустите меня скорее к царице!

Крик ее звучал так властно, что испуганные часовые повиновались.

Втроем они поспешили по знакомым пчелке дорожкам и ходам внутрь улья.

В приемном зале она чуть не потеряла сознание. Один из сторожей поддержал ее, в то время как другой отправился с докладом в покои царицы. Часовые поняли наконец, что произошло что-то необыкновенное.

Несколько работниц, занятых приготовлением воска, уже были за своим делом. Они с любопытством просовывали в зал свои головки: весть о необычайном происшествии уже распространилась по улью.

Из придворных комнат вышли два офицера. Майя сразу их узнала. Серьезно и молча они заняли места у двери и, не обращая внимания на пчелку, застыли в ожидании. Через несколько секунд появилась и царица.

Она вошла без всякой свиты, в сопровождении лишь двух фрейлин и адъютанта. Увидев Майю, она сделала по направлению к ней несколько быстрых шагов, но, заметив ее ужасное состояние и волнение, остановилась, причем строгое и суровое выражение ее лица уступило место более мягкому.

— Ты пришла с важными вестями? — спросила царица. — Кто ты и откуда?

Майе трудно было говорить.

— Государыня! — воскликнула она. — Прости, что я нарушила мой долг верноподданной. Я расскажу тебе потом, в чем моя вина, и повергну к твоим стопам мое раскаяние. Но в эту ночь я чудом вырвалась из шершневого гнезда, где я была в плену и где подслушала, что сегодня на рассвете готовится нападение на наш город.

Трудно описать впечатление, которое произвели эти слова. Сопровождавшие царицу фрейлины громко завопили, а стоявшие у входа офицеры побледнели как смерть и приготовились бежать, чтобы поднять тревогу.

Но совсем иначе приняла эту страшную весть царица. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она лишь слегка выпрямилась, и фигура ее, полная силы и мужества, дышала глубокой верой в правоту ее дела.

Кивком головы царица подозвала офицеров и решительным голосом сделала им целый ряд распоряжений.

— Даю вам одну минуту на исполнение всего мною сказанного, — закончила она свою речь. — Вы отвечаете мне головою за всякое промедление или упущение.

Но оба офицера не нуждались, казалось, в этой угрозе. С молниеносной быстротой устремились они вон из зала.

— О, ваше величество! — прошептала в восторге Майя.

Царица нагнулась к пчелке и посмотрела на нее своим кротким, любвеобильным взглядом.

— Благодарю тебя, — сказала она. — Какова бы ни была твоя вина, ты нас спасла... А теперь ступай и отдохни, мое дитя. У тебя такой усталый вид, и руки твои дрожат.

— Я хотела бы умереть за тебя, — прошептала Майя.

— Не беспокойся за нас, — ответила царица. — Среди множества пчел, населяющих наш город, не найдется ни одной, которая не отдала бы свою жизнь за благо своих близких и за мое... Спи спокойно.

Она опять наклонилась к Майе, поцеловала ее в лоб и, кивнув фрейлинам, приказала им позаботиться о пчелке.

Последнее, что услышала Майя в маленькой тихой каморке, где ее уложили фрейлины, был мерный топот проходивших мимо войск. Где-то далеко звучала бодрая команда, и уже сквозь сон до слуха пчелки коснулись слова старой военной песни пчел:

Солнце, солнце! Ты наш путь
Освети лучами.
Нам царицу сохрани!
Мир да будет с нами.

БИТВА

В улье царило необыкновенное возбуждение. Даже в дни революции там не было такого жужжания и гудения. Все пчелы, от первой до последней, были охвачены великим гневом и пламенным желанием дать достойный отпор смертельному врагу. Но их ярость не вносила в их деятельность ни малейшего замешательства или беспорядка. Войска приготовились к бою с поразительной быстротой, а через несколько минут и остальные обитатели улья уже были каждый на своем месте. Всякий знал, где он может быть всего полезнее, всякий ясно сознавал свой долг и обязанности.

И это было вполне своевременно, ибо один за другим уже возвращались первые разведчики с известием о приближении неприятеля. Добровольцы, изъявившие готовность по призыву царицы быть первыми защитниками города, выстроились тремя сомкнутыми рядами у входа в улей, где тотчас же водворилась гробовая тишина. Все напряженно ждали. Только в тылу армии еще слышалась команда офицеров, формировавших резервы. Снаружи могло бы показаться, что улей спит глубоким сном, если бы не дюжина работниц, лихорадочно хлопотавших у ворот: они получили приказ залепить их воском и сузить насколько это было возможно. Через несколько мгновений, точно по волшебству, там выросли две толстые стены, для разрушения которых даже самым сильным шершням пришлось бы потратить немало времени.

Царица заняла внутри улья центральное место, откуда она могла следить за ходом битвы. Ее адъютанты шмыгали взад и вперед.

Вскоре прилетел еще один разведчик. Он свалился в изнеможении и, с трудом переводя дух, произнес:

— Я последний... все остальные убиты...

— Где находятся шершни? — спокойно спросила его царица.

— У лип... — ответил он и вдруг испуганно воскликнул: — Вот они, вот! Слышите? Воздух дрожит под напором их гигантских крыльев...

Но никто ничего не слышал. Со страха ему, должно быть, все еще казалось, что его преследуют.

— Сколько их? — строго спросила его царица. — Отвечай, да потише!

— Я насчитал сорок, — пробормотал разведчик.

— Ни один из них не вернется домой живым, — громко и твердо сказала царица, хотя ее испугала численность неприятеля.

Солдаты и офицеры, понявшие эти слова царицы как предсказание гибели врага, еще больше воспрянули духом.

Еще через несколько мгновений в тихом утреннем воздухе послышалось сперва отдаленное, затем все более явственное жужжание. Свет в летке вдруг померк, и многие отчетливо расслышали страшный шепот свирепейших среди насекомых грабителей и убийц.

Но тут с высоты прозвучал спокойный и ясный голос царицы:

— Пусть разбойники проникнут в улей один за другим. Не двигайтесь с места до моего приказа, после чего первые ряды, около сотни бойцов, устремятся на врага, а задние прикроют вход. Действуя таким образом, мы раздробим силы неприятеля. Вы, сражающиеся впереди других, помните, что от вашей стойкости и отваги зависит благополучие государства. Ждите спокойно шершней: в полумраке они не заметят, что мы подготовлены, и слепо полезут в западню...

Она вдруг умолкла... В воротах показалась голова первого разведчика — очевидно, разбойника. Медленно и очень осторожно поводил он во все стороны своими усиками; его страшные челюсти широко раскрывались и закрывались; могучее, как у тигра, тело с сильными крыльями тихо продвигалось вперед. Панцирь шершня сверкал от падавшего на него снаружи света.

По рядам пчел пробежала дрожь, но ни одна из них не пикнула.

Разбойник вернулся назад, и слышно было, как он доносил своим:

— Улей спит. Но вход в него замазан, и нигде нет сторожей. Не знаю — хороший это признак или дурной?

— Хороший! — крикнул кто-то снаружи. — Вперед!

В то же мгновенье два великана устремились в ворота. Через минуту их было в улье уже восемь. Но царица продолжала молчать. Уж не окаменела ли она от ужаса? Неужели шершни все еще не видели солдат, сгрудившихся в тени, по правую и левую сторону от входа?

И вдруг с высоты прозвучало:

— Во имя права и справедливости, во имя царицы, защищайте государство!

В ту же секунду воздух огласился невообразимым шумом и яростными криками. Казалось, весь улей рушился от наполнившего его внезапно неистового жужжания. На каждого шершня налетели, как бушующие волны, десятки пчелиных солдат.

Но шершни — искушенное в боях разбойничье племя; грабеж и убийство давно уже стали их жестоким ремеслом. Если неожиданный отпор и внес некоторое замешательство в их ряды, то сущест-

венного ущерба он им не причинил. Жала пчел не могли пробивать панцири великанов, а огромный рост и сила последних давали им преимущество, которое они прекрасно понимали. Резкие воинственные крики шершней, приводящие в ужас всякое живое существо, заглушали боевой клич их врагов. Даже человек боится встречи с этими хищниками и предпочитает уходить с их пути, если ему приходится вступать с ними в бой невооруженным.

Пробравшиеся внутрь улья шершни скоро сообразили, что они должны во что бы то ни стало продвинуться вперед, если не хотят преградить вход своим. И барахтавшиеся кучи сцепившихся между собою противников быстро катились по темным ходам пчелиного города. Но выработанный царицей план оказался вполне правильным. Как только пространство у ворот освободилось, его тотчас же заняли задние ряды воинов, которым было приказано защищать летку. Это был старый испытанный прием. Каждый раз, когда в улей врывался новый шершень, пчелы, притворившись измученны-

ми сражением, не мешали ему лезть вперед: когда же он достаточно углублялся, сзади него быстро выстраивалась новая шеренга солдат и, охватив его со всех сторон, подавляла своей численностью.

Боевые крики давно уже смешались с воплями и стонами умиравших от ран бойцов. Страшные жала шершней производили среди пчел сильное опустошение. Барахтавшиеся кучи противников оставляли позади себя, передвигаясь с одного места на другое, множество убитых. Захваченные врасплох шершни поняли, что им нет спасения, что ни один из них уже не выйдет из улья, и они бились с храбростью отчаяния. Но мало-помалу они погибали один за другим, так как пчелам благоприятствовало одно обстоятельство: если сила великанов была неисчерпаема, то ядовитое действие их жал быстро иссякало, и уколы их становились все менее и менее опасными. Раненые пчелы уже знали, что они не погибнут и поправятся, и это сознание вместе с жаждой мести за павших сестер и братьев усиливало их мужество

Постепенно шум битвы начал стихать. Громкие крики шершней, находившихся перед ульем, уже не встречали отклика у их проникших во вражеский город товарищей.

— Они погибли, — печально сказал атаман разбойников и велел протрубить отбой. Нападавшие, число которых уменьшилось наполовину, отступили, преследуемые грозным жужжанием пчел.

— Тут пахнет изменой! — воскликнул начальник шершней. — Пчелы были, по-видимому, предупреждены

Поняв наконец, что всему его отряду грозила большая опасность, он решил, подавив уязвленное самолюбие, послать к пчелам парламентера для переговоров об освобождении оставшихся в улье товарищей.

— Торопись, — сказал начальник вестнику мира, подавая ему белый лепесток жасмина. — Если придут люди — мы погибли. Скажи пчелам, что мы уйдем и обещаем им вечный мир, если они выпустят пленных.

Парламентер поспешил вперед и, помахав перед воротами улья белым лепестком, опустился на летку.

Царице донесли, что явился посол для переговоров. Она выслала к нему своих адъютантов. Когда ей сообщили условия врагов, она приказала дать им следующий ответ:

«Мы согласны выдать вам ваших мертвецов, если вы хотите унести их с собою. Раненых и пленных у нас нет. Все ваши солдаты, проникшие в улей, перебиты. Вашему обещанию — хранить вечно мир мы не верим. Можете снова прийти, когда вам будет угодно: мы всегда окажем вам такую же встречу, как и сегодня.

А если желаете продолжать начатую борьбу, пожалуйста, мы готовы...».

Предводитель шершней побледнел, когда ему передали эти слова. Он сжал кулаки и охотно исполнил бы желание своих воинов, громко требовавших мести, но еще раз благоразумие взяло верх.

— Я разбойник и хочу умереть достойной грабителя смертью. Но возобновить сейчас сражение было бы безумием. Что пользы, если мы разрушим весь улей и все при этом погибнем? Ступай и потребуй выдачи мертвых! — крикнул он парламентеру. — Мы уходим.

Весь его отряд хранил громовое молчание, когда посол снова полетел к улью.

— Мы должны быть готовы к новому коварству, — сказала царица пчел, когда ей доложили, что шершни желают получить своих убитых товарищей. — Впрочем, я думаю, что воинственный пыл этих бандитов несколько охладел.

Убитых начали сносить в кучи, оттаскивая в сторону тела разбойников, которые волокли затем к воротам и выбрасывали вон из улья. Молча, с угрюмыми лицами следили шершни с елки за падавшими на землю трупами их товарищей. Восходившее солнце озарило своими лучами эту душераздирающую картину. Скоро двадцать два павших геройской смертью шершня лежали у подножия спасенного города. Неприятель не получил ни капли меда, ни одного пленника.

Нападавшие подхватили своих мертвых и улетели. Сражение кончилось. Пчелы одержали победу.

Но каких жертв это им стоило! Повсюду валялись трупы: в проходах, перед кладовыми, перед детскими...

Печальная работа закипела в улье в это прекрасное летнее утро. Надо было выбросить трупы, перевязать раненых, ухаживать за ними. Но к полудню пчелиный город уже жил своей нормальной жизнью. Его население не находило возможности ни праздновать свою победу, ни долго оплакивать погибших. Каждая пчела, глубоко затаив в душе и гордость, и горе, принялась за исполнение своих повседневных обязанностей.

Удивительный народ эти пчелы!

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ УЧАСТИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «КВИНТА»

Бонзельс В.
Б81

Приключения пчелки Майи: Роман для детей. Пер. с нем. М. А. Вайсбейн под ред. А. Н. Горлина. — М.: Ключ, 1992. — 80 с., илл.
ISBN5-7082-0019-7

Книга немецкого писателя Вольдемара Бонзельса (1880—1952) поэтично и увлекательно рассказывает о приключениях пчелки Майи, открывая юному читателю сказочный мир природы, знакомя с его обитателями. Главная героиня полюбилась всем после просмотра многосерийного телефильма «Пчела Майя».

Б $\frac{4804010100-20}{970(01)-92}$ Без объявл.

ББК 84. 4/8

ВОЛЬДЕМАР БОНЗЕЛЬС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЧЕЛКИ МАЙИ

Роман для детей

Редактор-составитель Б. Романов
Технический редактор Т. Маринина
Корректор В. Угланова

Сдано в набор 6.04.92. Подписано в печать 22.05.92. Формат 60×84$^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 5.
Заказ № 255.
Издательство «Ключ». 125047, Москва, ул. Тверская-Ямская, 22.
Тираж 100.000 экз.
Типография «Гудок».

Приключения пчелки Майи

Вольдемар Бонзельс

